

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ПЕРРИ
МЕЙСОН

КАЖДЫЙ В ЧЕМ-ТО ВИНОВЕН

ДЕЛО О МРАЧНОЙ ДЕВУШКЕ
ДЕЛО О ВОЮЩЕЙ СОБАКЕ

ЧИТАЙТЕ КНИГИ — СМОТРИТЕ СЕРИАЛ!

АМЕДИАТЕКА

HOME OF HBO

Эрл Стенли Гарднер
Перри Мейсон. Дело о мрачной
девушке. Дело о воющей собаке
Серия «Перри Мейсон»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56291119

*Перри Мейсон. Дело о мрачной девушке. Дело о воющей собаке: АСТ;
Москва; 2020*

ISBN 978-5-17-127265-4

Аннотация

Перри Мейсон – король перекрестного допроса, кумир журналистов и присяжных, гений превращения судебного процесса в драматический спектакль. А за королем следует его верная свита, всегда готовая помочь, – секретарша Делла Стрит и частный детектив Пол Дрейк.

Перри Мейсон почитаем так же, как Эркюль Пуаро, мисс Марпл и Ниро Вулф, поэтому неудивительно, что обаятельный адвокат стал героем фильмов и многосерийных экранизаций в разных странах. Этим летом адвокат Мейсон продолжит свои расследования в сериале от НВО.

В эту книгу вошли два романа: «Перри Мейсон. Дело о мрачной девушке». Поначалу кажущееся заурядным дело об условиях завещания, которые хочет оспорить молодая клиентка,

внезапно оборачивается головокружительным расследованием загадочного убийства.

«Перри Мейсон. Дело о воющей собаке». Ночной кошмар любого адвоката – жалоба клиента на собачий вой в соседском доме – неожиданно становится одним из самых необычных дел в карьере Перри Мейсона.

Содержание

Дело о мрачной девушке	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	58
Глава 7	70
Глава 8	80
Глава 9	96
Глава 10	111
Глава 11	124
Конец ознакомительного фрагмента.	132

**Эрл Стенли Гарднер
Перри Мейсон. Дело
о мрачной девушке.
Дело о воющей собаке**

Erle Stanley Gardner

**PERRY MASON: THE CASE OF THE HOWLING
DOG**

PERRY MASON: THE CASE OF THE SULKY GIRL

© Erle Stanley Gardner Trust, 1933, 1934

© Перевод. В.А. Вебер, 2020

© Перевод. М.В. Жукова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Дело о мрачной девушке

Глава 1

Девушка проскользнула в кабинет мимо секретарши, открывшей для нее дверь, и огляделась. По глазам посетительницы было видно, что ее что-то тревожит.

Секретарша тихо прикрыла дверь. Девушка села в старомодное черное кожаное кресло с высокой спинкой, положила ногу на ногу, натянула юбку на колени и повернулась к двери. Через минуту она приподняла юбку на дюйм или два, пытаясь добиться определенного эффекта, затем откинулась назад, разбросав по плечам золотистые волосы, которые выгодно контрастировали с блестящей черной кожей кресла.

Она смотрелась трогательно и беззащитно в просторном кабинете. Тем не менее в ее облике было что-то нарочитое, наводящее на мысль о специально создаваемом впечатлении. Поза была слишком тщательно продуманной, а беззащитность слишком ярко выраженной.

По любым меркам она могла бы считаться красивой: шелковистые волосы, большие темные глаза, высокие скулы, пухлые губы, невысокого роста, с прекрасной фигурой. Сразу же становилось ясно, что она следит за собой. Однако выражение лица не менялось: казалось, она абсолютно отрешилась.

лась от действительности и как бы отгородилась невидимой стеной от окружающего мира.

В кабинет вошел Перри Мейсон. Сделав два шага, он остановился и внимательно осмотрел девушку, не упуская ни одной детали. Она выдержала его взгляд, не изменив ни положения тела, ни выражения лица.

– Вы – мистер Мейсон? – спросила она.

Мейсон, не отвечая, обошел письменный стол и опустился во вращающееся кресло.

Перри Мейсон производил впечатление большого, сильного человека. Он не был полным, но от него исходила внутренняя энергия. Посетительница увидела широкоплечего мужчину с грубыми чертами лица и с прямым взглядом серых глаз. Эти глаза часто меняли выражение, однако лицо всегда оставалось спокойным. В этом человеке не было ничего кроткого и смиренного, сразу же становилось ясно, что это борец, причем борец, который может сколь угодно долго выждать удобный момент для нанесения сокрушительного удара и нанесет его именно тогда, когда получит наилучший эффект, а сам при этом не будет испытывать ни малейших угрызений совести от содеянного силой своего ума.

– Да, я – Перри Мейсон, – подтвердил он. – Чем могу быть вам полезен?

Темные глаза девушки с опаской изучали адвоката.

– Меня зовут Фрэн Челейн.

– Фрэн? – переспросил адвокат, повысив голос.

– Уменьшительное от Фрэнсис.

– Понятно. Чем могу быть вам полезен, мисс Челейн? – повторил Мейсон свой вопрос.

Девушка не отводила взгляд темных глаз от его лица. Она начала водить указательным пальцем по ручке кресла, выбирая неровности на коже. В этом ищущем жесте, казалось, бессознательно отражалось ее внутреннее состояние.

– У меня есть кое-какие вопросы по завещанию, – заявила она наконец.

Выражение уверенных и спокойных глаз Перри Мейсона не изменилось.

– Я не занимаюсь завещаниями, – сообщил он. – Я – судебный адвокат, специализируюсь на ведении дел в суде, предпочтительно перед присяжными. Двенадцать человек на скамье присяжных – и ты должен доказать им свою правоту, вот как я работаю. Боюсь, что не смогу вам помочь.

– Но дело, возможно, дойдет до суда, – сообщила она.

Он продолжал спокойно разглядывать ее, не меняя выражения лица.

– Оспаривание завещания? – спросил адвокат.

– Нет, – ответила девушка, – не совсем оспаривание. Я хочу кое-что узнать о положении, касающемся распоряжения имуществом в пользу другого лица.

– Наверное, будет лучше, если вы зададите мне конкретный вопрос о том, что хотите выяснить, – заметил адвокат.

– Предположим, определенное лицо умирает, – начала

она, – и оставляет завещание, в котором есть пункт, что наследник по этому завещанию...

– Хватит, – перебил Мейсон. – Вас интересует именно этот пункт?

– Да.

– Тогда расскажите мне факты, а не ходите вокруг да около.

– Это завещание моего отца. Его звали Карл Челейн. Я – единственный ребенок.

– Вот так-то лучше, – улыбнулся Мейсон.

– По завещанию я должна получить большую сумму денег, где-то около миллиона долларов.

Перри Мейсон насторожился.

– И вы думаете, что состоится суд? – спросил он.

– Не знаю. Надеюсь, что нет.

– Продолжайте, – предложил адвокат.

– Деньги не перешли прямо ко мне. Ими управляют по доверенности.

– И кто является доверенным лицом?

– Мой дядя, Эдвард Нортон.

– Понятно. Продолжайте.

– В завещании сказано, что, если я выйду замуж до достижения двадцатипятилетнего возраста, у моего дяди есть право на его усмотрение предоставить мне пять тысяч долларов из траст-фонда, а оставшуюся часть передать благотворительным учреждениям.

– Сколько вам лет? – спросил Мейсон.

– Двадцать три.

– Когда умер ваш отец?

– Два года назад.

– Значит, завещание уже было утверждено, а собственность распределена?

– Да, – кивнула она.

– Если положение, касающееся управления собственностью по доверенности, утверждено и апелляция не была подана, то никакое оспаривание судебного решения путем дополнительного иска невозможно, кроме как при исключительных обстоятельствах.

Она снова начала водить указательным пальцем по ручке кресла.

– Именно об этом я и хотела вас спросить, – сказала Фрэн Челейн.

– Ну так спрашивайте.

– По завещанию мой дядя контролирует оставленные отцом деньги. Он может их инвестировать, как посчитает нужным, может предоставить мне такую сумму, которую, по его мнению, мне следует иметь. Когда мне исполнится двадцать семь лет, он должен передать мне управление капиталом – если он решит, что обладание такой суммой не испортит мне жизнь. В противном случае мне до самой смерти будет предоставляться по пятьсот долларов в месяц, а оставшееся дядя должен передать благотворительным учреждениям.

– Очень необычное положение об управлении по доверенности, – ничего не выражающим тоном заметил Мейсон.

– Мой отец был необычным человеком, а я вела довольно бурный образ жизни, – ответила Фрэн.

– Так в чем у вас проблемы? – спросил Мейсон.

– Я хочу выйти замуж, – сообщила она и в первый раз за весь разговор отвела глаза.

– Вы говорили об этом с дядей?

– Нет.

– А он знает, что вы хотите выйти замуж?

– Не думаю.

– Почему бы не подождать, пока вам не исполнится двадцать пять лет?

– Нет, – твердо заявила она. – Я хочу это сделать сейчас.

– Если я правильно понял изложенное вами содержание завещания, то все оставлено на усмотрение вашего дяди, не так ли?

– Да.

– Тогда, возможно, при сложившихся обстоятельствах нужно выяснить его мнение по поводу вашего замужества.

– Нет! – резким тоном воскликнула она.

– У вас плохие отношения? – спросил адвокат.

– Нет.

– Вы часто с ним видитесь?

– Каждый день.

– Вы обсуждаете с ним завещание?

– Никогда.

– Значит, вы встречаетесь с ним, чтобы обговорить какие-то другие дела?

– Нет. Я живу с ним в одном доме.

– Понятно, – спокойным, бесстрастным голосом сказал Перри Мейсон. – Вашему дяде доверено управление огромным капиталом, причем распоряжение этими деньгами оставлено на его полное усмотрение, что весьма необычно. Насколько я понимаю, на него возложены определенные обязательства?

– О, конечно. Но здесь можно не беспокоиться. С трастфондом все в порядке. Мой дядя очень дотошен и осторожен, даже слишком дотошен и осторожен. Он методично делает все, за что бы ни брался.

– У него есть свои деньги? – решил выяснить адвокат.

– Полно.

– Так что же вы от меня хотите? – В голосе адвоката слышалось легкое раздражение.

– Я хочу, чтобы вы все устроили так, чтобы я могла выйти замуж.

Мейсон с минуту задумчиво смотрел на Фрэн Челейн оценивающим взглядом, не произнося ни слова.

– У вас есть с собой копия завещания или решения о распределении собственности? – наконец спросил он.

– А они вам нужны? – спросила она, отрицательно покачав головой.

Адвокат кивнул:

– Я не могу дать вам абсолютно точную интерпретацию юридического документа, пока не прочитаю сам документ.

– Но я же пересказала вам его содержание!

– Вы пересказали его так, как понимаете. А ваша интерпретация может отличаться от действительности.

– Мне кажется, – быстро и раздраженно заговорила Фрэн Челейн, – что условие, запрещающее выходить замуж, может быть отменено.

– Не совсем так, – заметил адвокат. – В общем и целом положение, по которому запрещается вступать в брак, считается нарушением гражданских прав и, следовательно, недействительным. Однако есть ряд исключений, особенно в случае управления собственностью по доверенности, где доверенное лицо назначено для того, чтобы уберечь наследника от бесконтрольной траты оставленного ему по завещанию наследства. Очевидно, мы имеем дело как раз с таким случаем. Более того, обратите внимание, что никаких ограничений на вступление в брак после достижения вами двадцатипятилетнего возраста нет. И, кстати, судя по вашей интерпретации условий завещания, действовать на свое усмотрение ваш дядя должен только при определенных обстоятельствах.

Было видно, что девушка внезапно потеряла всю свою уравновешенность.

– Я много слышала о вас, – почти крикнула она. – Обычно

адвокаты говорят своим клиентам, что они могут сделать, а чего не могут, а о вас ходят слухи, что вы все всегда устраиваете таким образом, что клиент получает то, что хочет.

Мейсон улыбнулся. Это была улыбка умудренного опытом человека, накопившего неоценимый багаж знаний из общения с сотнями клиентов, открывавших ему свои секреты.

– Вы частично правы, – согласился он. – Из любой ситуации есть выход. Как говорят, было бы желание, а возможность найдется.

– В моем случае есть желание. От вас я хочу узнать, как добиться возможности.

– За кого вы хотите выйти замуж? – резко спросил Мейсон.

Фрэн Челейн не стала отводить взгляд, темные глаза смотрели прямо на адвоката.

– За Роба Глиасона.

– Ваш дядя с ним знаком?

– Да.

– Он одобряет ваш выбор?

– Нет.

– Вы любите этого Роба Глиасона?

– Да.

– Роб Глиасон знает об условиях завещания?

Она опустила глаза:

– Думаю, что теперь, возможно, знает. Но не знал.

– Что вы имеете в виду? – спросил адвокат.

Было ясно, что Фрэн Челейн избегает встречаться взглядом с Мейсоном.

– Я просто так выразилась. Я ничего не имела в виду.

Мейсон несколько минут внимательно рассматривал посетительницу.

– Насколько я понял, вы очень хотите выйти за него замуж, – наконец сделал вывод адвокат.

Она подняла на него глаза и заявила с чувством:

– Мистер Мейсон, вы должны четко уяснить: я *выйду* замуж за Роба Глиасона. Воспринимайте это как факт. Вам следует найти способ, как я могу это сделать. Это все. Я оставляю эту проблему вам. Я доверяюсь вам. Я собираюсь выйти замуж.

Адвокат уже хотел было что-то сказать, но помедлил. Он не сводил взгляда с посетительницы, продолжая ее внимательно изучать.

– Похоже, вы прекрасно знаете, чего хотите.

– Конечно, знаю! – воскликнула она.

– Приходите завтра утром в это же время. Я сегодня просмотрю судебный архив.

Она покачала головой:

– Это слишком долго. Вы можете сделать все, что нужно, к сегодняшнему вечеру?

– Не исключено, – ответил адвокат. – В четыре вас устроит?

Она кивнула.

– Прекрасно, – сказал Мейсон, вставая. – Возвращайтесь в четыре. Продиктуйте свой адрес и полное имя секретарю в приемной.

– Я это уже сделала. – Фрэн тоже встала и поправила юбку. – Буду у вас ровно в четыре.

Она, не оборачиваясь, проследовала до двери, открыла ее и вышла в приемную.

Перри Мейсон снова сел за письменный стол и прищурил глаза, уставившись на закрывшуюся за девушкой дверь.

Через минуту Мейсон нажал указательным пальцем кнопку слева от стола.

Из двери, ведущей в библиотеку, появился молодой человек с всклокоченными волосами и открытым лицом, выражающим готовность к действию.

– Фрэнк, – обратился к нему Мейсон, – сходи в здание суда и найди дело об имуществе Челейна. По завещанию некой Фрэнсис Челейн оставлено более миллиона долларов. Для управления собственностью назначено доверенное лицо – Эдвард Нортон. Проверь решение о распределении собственности и само завещание. Сделай копии положений, касающихся управления собственностью по доверенности, и как можно скорее возвращайся обратно.

Молодой человек дважды быстро моргнул глазами.

– Челейн? – переспросил он.

– Да. Карл Челейн.

– И Нортон?

– Эдвард Нортон.

– Спасибо, – сказал молодой человек, резко повернулся, неловко и с застенчивым видом пересек кабинет. Он явно спешил, нервничая под взглядом адвоката.

Мейсон вызвал секретаршу.

Делле Стрит, доверенному секретарю Перри Мейсона, было лет двадцать семь. По ее внешнему виду сразу же становилось ясно, что это уверенная в себе женщина, знающая свое дело. Она резко распахнула дверь из приемной.

– Вызывал, шеф? – спросила Делла Стрит.

– Да. Заходи.

Она вошла в кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Давай обменяемся впечатлениями о девушке, – предложил Мейсон.

– Что ты имеешь в виду?

Он задумчиво посмотрел на Деллу:

– Ты сказала, что она выглядит или загнанной в угол, или мрачной. А теперь я думаю – какой же?

– Это имеет значение? – спросила Делла.

– Наверное, да. Ты обычно даешь правильную оценку. К тому же у тебя была возможность рассмотреть ее, когда она не позировала. Она начала играть роль, войдя ко мне в кабинет.

– Она из тех, у кого это хорошо получается.

– Мисс Челейн села вот в это кресло, – кивнул головой Мейсон, – склонила голову, положила ногу на ногу, опустив

юбку на точно рассчитанное количество дюймов, и на лице у нее было весьма определенное выражение.

– Она сказала тебе правду? – поинтересовалась Делла.

– Никто из клиентов не говорит всю правду в первый визит к адвокату, по крайней мере женщины. Именно поэтому я хочу узнать твои впечатления о ней. Она все-таки казалась загнанной в угол или мрачной?

Делла Стрит задумалась. Наконец она заговорила, взвешивая каждое слово:

– Мне кажется, что она одновременно выглядела и загнанной в угол, и мрачной, как будто она попала в какой-то капкан и от этого сделалась угрюмой.

– Ты уверена, что это не паника?

– Что ты имеешь в виду?

– Очень многие, впадая в панику, делают каменное лицо, а пытаясь сделать каменное лицо, выглядят мрачно.

– Ты считаешь, что она в панике? – спросила Делла.

– Да, – медленно ответил Мейсон. – Я думаю, что она своевольный маленький дьяволенок, который всегда получает что хочет. Наверное, у нее неуправляемый характер. Она попала в западню и пытается выбраться. Когда мы лучше с ней познакомимся, то узнаем больше о ее характере.

– Ведьма?

Мейсон усмехнулся:

– Я бы сказал, что только ведьмочка.

Глава 2

Делла Стрит открыла дверь личного кабинета Мейсона. С таинственным видом она проскользнула в дверной проем и осторожно закрыла за собой дверь в приемную.

Перри Мейсон сидел за письменным столом. Он внимательно посмотрел на секретаршу.

– Почему такая таинственность? – спросил он.

Делла шагнула по направлению к адвокату, затем повернулась обратно к двери, чтобы проверить – плотно ли она закрыта.

– В приемной сидит мужчина, представившийся как Роберт Глиасон, – сообщила Делла.

– Что он хочет?

– Ему нужна информация о мисс Челейн.

– Которая сейчас была здесь?

– Да.

– Ты не сообщила, что она только что ушла?

– Конечно нет.

– Что конкретно он сказал?

– Что хочет с тобой встретиться. Я спросила его о сути дела, которое он хотел бы с тобой обсудить, и он ответил, что пришел по поводу одной твоей клиентки. Тогда я заявила, что ему следует назвать мне имя клиентки и вкратце описать суть дела. Он сказал, что речь идет о мисс Челейн и ему про-

сто необходимо поговорить с тобой о ней.

– Хорошо. Что ты ему ответила?

– Сказала, что не знаю имен всех твоих клиентов и ему придется поподробнее изложить суть вопроса. Он очень возбужден.

– Почему он возбужден? Что его волнует: девушка, дело или что-то еще?

– Не знаю. Могу сказать только, что он возбужден и нервничает.

Мейсон расправил плечи, словно пришел к какому-то внезапному решению.

– Пригласи его, Делла. Я хочу на него посмотреть.

Делла Стрит кивнула, повернулась и открыла дверь в приемную.

– Проходите, пожалуйста, – улыбнулась она посетителю.

В приемной послышался какой-то шум. По внешнему виду появившегося в кабинете мужчины было заметно, что он горит нетерпением. Это оказался худой молодой человек, с вздернутым носом и огромными ушами. Он шел нервной походкой и двигался резкими толчками. На вид ему было где-то около тридцати лет.

– Вы – адвокат Мейсон? – спросил он.

Перри Мейсон оценил посетителя внимательным спокойным взглядом из-под густых бровей.

– Садитесь, – предложил адвокат.

Посетитель помедлил, а затем опустился на краешек од-

ного из жестких стульев с прямой спинкой.

– Чем могу быть полезен? – спросил Мейсон.

– Я бы хотел выяснить, приходила ли к вам сегодня Фрэнсис Челейн.

– Это адвокатская контора, а не справочное бюро, мистер Глиасон.

Глиасон нервно вскочил на ноги, быстро, в три шага, подбежал к окну, с минуту постоял в лучах солнечного света, а затем повернулся к адвокату. Темные глаза молодого человека горели. Создавалось впечатление, что он борется с собой.

– Хватит остроумия, мистер Мейсон. Мне нужно знать, была ли здесь Фрэн Челейн или нет.

Тон Перри Мейсона не изменился, адвокат оставался абсолютно спокоен и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на нетерпеливость посетителя.

– Пусть между нами не останется никакого недопонимания, – сказал Мейсон. – Вы говорите о мисс Фрэнсис Челейн?

– Да.

– Вы лично знакомы с мисс Челейн?

– Конечно.

Перри Мейсон махнул правой рукой, словно вопрос, о котором шла речь, не имел ни малейшего значения.

– Это все упрощает, – сделал вывод адвокат.

– Что именно? – с подозрением в голосе спросил Глиасон.

– Тот факт, что вы знакомы с мисс Челейн, – ответил Мейсон. – В таком случае вам требуется лишь поинтересоваться у самой мисс Челейн, консультировалась ли она у меня. Если нет, то вам не потребуется возвращаться. Если консультировалась, но не хочет, чтобы вы об этом знали, она, несомненно, найдет способ скрыть это. Если же она говорила со мной и ей все равно, узнаете вы об этом или нет, она вам сама обо всем расскажет. – Адвокат встал и улыбнулся посетителю, показывая тем самым, что разговор окончен.

Роберт Глиасон остался у окна. По его лицу было видно, что в нем идет внутренняя борьба.

– Вы не имеете права так со мной разговаривать, – заявил он.

– И тем не менее – разговариваю, – спокойным тоном ответил Мейсон.

– Вы не имеете права!

– Почему?

– Вы можете так объясняться с посторонним, но я таковым не являюсь. Я очень близок с Фрэн Челейн. У меня есть право знать о том, была она у вас или нет. Ее шантажируют, и я хочу выяснить, что вы предлагаете сделать.

Перри Мейсон приподнял брови:

– Кого шантажируют? Кто шантажирует?

Глиасон раздраженно взмахнул руками:

– Что вы притворяетесь? Я знаю, что она была здесь, и вы знаете, что она была здесь. Вы знаете, что ее шантажируют,

а я хочу знать, что вы предлагаете сделать.

– При сложившихся обстоятельствах я думаю, что мне стоит попросить вас покинуть кабинет, – заявил Мейсон. – Когда я пригласил вас зайти, я думал, что вы пришли проконсультироваться у меня как у адвоката. Я очень занят, и у меня нет времени обсуждать с вами тот единственный вопрос, который вас волнует.

Глиасон оставался на месте.

– По крайней мере, вы можете сообщить мне, *кто* ее шантажирует. Я хочу знать только это. Тогда я сам со всем разберусь.

Адвокат подошел к двери и открыл ее. С серьезным и достойным видом он обратился к посетителю:

– До свидания, мистер Глиасон. Мне очень жаль, что я не могу вам помочь.

– Это все, что вы собираетесь мне сказать? – закричал Глиасон с искаженным лицом.

– Да, – безапелляционно заявил Мейсон.

– Ну ладно! – рявкнул молодой человек и, не произнеся больше ни слова, широким шагом вышел из кабинета.

Перри Мейсон тихо прикрыл дверь, заложил большие пальцы рук в проймы жилета, слегка наклонил голову вперед и начал ходить из угла в угол.

Через несколько минут он подошел к письменному столу и взял в руки копию завещания Карла Челейна. Он стал читать условия учреждения траст-фонда в пользу Фрэнсис Че-

лейн.

Он все еще изучал отпечатанный на машинке документ, когда дверь снова отворилась и в кабинет заглянула Делла Стрит.

– Мисс Челейн, – сообщила секретарша.

Мейсон задумчиво посмотрел на Деллу Стрит, а затем по-манил ее рукой.

Делла Стрит вошла в кабинет, плотно закрыв за собой дверь.

– Глиасон сразу же вышел в коридор? – спросил он.

– Да. Ни на секунду не задержался. Казалось, он участвует в соревнованиях по спортивной ходьбе.

– А мисс Челейн только что пришла?

– Да.

– Как ты считаешь, они могли встретиться у лифта?

Делла Стрит задумалась.

– Вполне вероятно, шеф, – наконец ответила она. – Правда, я не очень-то в это верю.

– Как выглядит мисс Челейн? Возбуждена?

– Нет. Невозмутима и хладнокровна. К тому же пытается выглядеть как можно лучше. Достала косметичку и прихорашивается. И очень тщательно уложила волосы.

– Хорошо. Пригласи ее.

– Проходите, пожалуйста, мисс Челейн, – сказала Делла Стрит, открывая дверь в приемную.

Когда Фрэнсис Челейн оказалась в личном кабинете ад-

воката, секретарша тут же покинула помещение, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– Садитесь, – предложил Мейсон.

Фрэнсис Челейн подошла к тому же креслу, в котором сидела в первый визит, опустила в него, положила ногу на ногу и с неммым вопросом посмотрела на адвоката своими темными глазами.

– Несколько минут назад здесь был Роберт Глиасон, – сообщил Мейсон, – и пытался выяснить, консультировались ли вы у меня.

– Роб очень импульсивен, – заметила Фрэн Челейн.

– Вы говорили ему, что собираетесь ко мне?

– Я упоминала ваше имя. Вы сказали ему, что я была здесь?

– Конечно нет. Я посоветовал ему связаться с вами, если у него имеются какие-нибудь вопросы о ваших делах.

Она слегка улыбнулась.

– Робу Глиасону очень не понравится такая манера разговора, – сказала девушка.

– Она ему уже не понравилась, – ответил Мейсон.

– Я встречу с ним и все ему объясню.

– Глиасон сказал, что вас шантажируют.

На какую-то долю секунды в глазах мисс Челейн появились удивление и ужас. Затем она снова посмотрела на адвоката спокойным, ничего не выражающим взглядом.

– Роб очень импульсивен, – повторила она.

Мейсон ждал, не скажет ли она еще что-нибудь, но она, не двигаясь, сидела на стуле и явно не собиралась предоставлять больше никакой информации.

Мейсон взял в руки документы, лежавшие у него на столе.

– У меня здесь копии завещания и решения о распределении собственности, – сообщил он. – Я также выяснил, что доверенное лицо ежегодно представляет отчеты о ведении дел. Боюсь, что надежды мало, мисс Челейн. Управление трастом ведется очень рационально. Понимаете, даже если мне удастся добиться отмены положения, касающегося вступления в брак, как нарушения ваших гражданских прав, нам все равно придется столкнуться с тем фактом, что распределение имущества оставлено на усмотрение доверенного лица. Скорее всего, ваш дядя посмотрит на наше оспаривание завещания как на вмешательство в волеизъявление вашего отца и его собственные полномочия как доверенного лица. Даже если мы выиграем в суде, на его усмотрение останется аннулирование нашей победы.

Девушка спокойно выслушала адвоката – даже ресницы не дрогнули. Через минуту она сказала:

– Именно этого я и боялась.

– Здесь есть еще одно положение, касающееся управления доверенной собственностью, – продолжал Мейсон. – Все оставлено на личное усмотрение вашего дяди, потому что ваш отец высоко ценил его рассудительность и здравый ум. В завещании и решении о распределении собственности гово-

рится, что в случае смерти, неспособности или отказа доверенного лица продолжать управление собственностью весь траст-фонд безусловно переходит к вам.

– Да, я знаю.

– Поэтому имеется возможность поставить вашего дядю в такие условия, что он не сможет в дальнейшем действовать от вашего имени. Другими словами, каким-то образом оспорить его способность выступать в качестве доверенного лица – например, показать, что он смешивает траст-фонд со своими собственными счетами или что-то в этом роде. Это, конечно, только предположение, я просто упоминаю этот факт, потому что пока я не вижу другого плана кампании, открытого для нас.

Она улыбнулась и со вздохом сказала:

– Вы не знаете моего дядю, мистер Мейсон.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что мой дядя необычайно дотошен и осторожен, а также настолько упрям, что ничто на свете не может заставить его сойти с избранного пути или сделать то, что он не хочет делать. К тому же он полностью независим в экономическом отношении.

В первый раз за все время разговора у нее в голосе слышались эмоции – какая-то доля горечи окрасила интонацию, хотя ее глаза и оставались спокойными.

– У вас есть какие-нибудь предположения? – спросил Мейсон, внимательно наблюдая за ней.

– Да. Я думаю, что кое-что можно сделать через Артура Кринстона.

– Это кто такой? – поинтересовался Мейсон.

– Артур Кринстон – партнер моего дяди. Они вместе занимаются бизнесом, покупают, продают, закладывают недвижимость, торгуют ценными бумагами. Артур Кринстон имеет на моего дядю больше влияния, чем кто-либо на свете.

– Как он относится к вам? – спросил Мейсон.

– Очень хорошо, – улыбнулась девушка.

– А есть шанс, что Кринстону удастся уговорить вашего дядю отказаться от управления собственностью в качестве доверенного лица и передать вам весь траст-фонд?

– Шанс всегда есть, – резким тоном ответила она, вставая. – Я попрошу мистера Кринстона встретиться с вами.

– Завтра?

– Сегодня вечером.

Адвокат взглянул на часы:

– Уже двадцать минут пятого. Я закрываю контору в пять.

Конечно, я могу подождать несколько минут.

– Он будет у вас без четверти пять.

– Хотите позвонить от меня? – предложил адвокат.

– В этом нет необходимости.

– Что имел в виду Роберт Глиасон, когда заявил, что вас шантажируют? – резким тоном спросил Мейсон, когда она уже взялась за ручку двери.

Девушка посмотрела на него огромными темными глаза-

ми.

– Понятия не имею, – с безмятежным видом ответила Фрэн Челейн и вышла из кабинета, закрыв за собой дверь.

Глава 3

Артур Кринстон оказался сорокапятилетним широкоплечим приветливым мужчиной. Он широким шагом пересек кабинет Мейсона, протягивая руку, и громким голосом, в котором звучали сердечность и готовность помочь, заявил:

– Очень рад познакомиться с вами, мистер Мейсон. Фрэн попросила меня немедленно ехать к вам, так что я бросил все дела и кинулся сюда.

Перри Мейсон пожал руку Кринстону и осмотрел его внимательным, оценивающим взглядом.

– Садитесь, – предложил адвокат.

Артур Кринстон опустился в то же кресло, в котором сидела Фрэн Челейн, достал из кармана сигару, зажег спичку о подошву ботинка, прикурил и сквозь дым улыбнулся хозяину кабинета.

– Очень хочет замуж, правда? – усмехнулся Кринстон.

– Вы знаете об этом? – спросил Перри Мейсон.

– Конечно! – воскликнул Артур Кринстон. – Я о Фрэн знаю все. Наверное, она в большей мере моя племянница, чем Эдварда. То есть я имею в виду, что мы с ней прекрасно ладим и понимаем друг друга.

– Как вы считаете, можно чего-нибудь добиться, если поговорить с Эдвардом Нортоном?

– Кому поговорить? – спросил Кринстон.

– Вам, например, – предложил Мейсон.

Посетитель покачал головой:

– Нет. Только один человек может побеседовать с Нортон-ном и добиться каких-то результатов.

– Кто?

– Вы, – многозначительно ответил Кринстон.

Выражение лица адвоката не изменилось, только в глазах появилось удивление.

– Из того, что я уже слышал о мистере Нортоне, можно сделать вывод, что мое вмешательство приведет его в негодование.

– Ни в коей мере. Эдвард Нортон – странный человек. Он не допускает, чтобы какие-либо чувства влияли на принятие им деловых решений. Он безжалостен и жесток. Он скорее будет склонен выслушать вас, говорящего только о деле и рассматривающего вопрос с правовой точки зрения, чем Фрэн или меня, где замешаны какие-то личные симпатии.

– Простите, но это звучит нелогично, – заметил Мейсон.

– Какое имеет значение то, как это звучит? – усмехнулся Кринстон. – И какое имеет значение, логично это или нет? Это факт. Просто у человека такой характер. Вам придется самому встретиться с Нортон-ном, чтобы все уяснить.

Делла Стрит открыла дверь из приемной.

– Звонит девушка, которая была у нас сегодня после обеда. Она хотела бы поговорить с вами, – сообщила Делла.

Мейсон кивнул и взял трубку.

– Алло!

Он услышал голос мисс Челейн на другом конце провода.

Она говорила очень быстро:

– Мистер Кринстон заходил к вам?

– Да, он сейчас здесь.

– Что он сказал?

– Предлагает мне лично встретиться с вашим дядей.

– Тогда, пожалуйста, встретьтесь с ним.

– Вы думаете, мне следует это сделать?

– Если так считает Артур Кринстон, то да.

– Хорошо. Завтра?

– Нет. Не могли бы вы увидеться с ним сегодня вечером?

Мейсон нахмурился.

– В деле такой важности я бы предпочел вначале обдумать лучший метод подхода к решению проблемы, – наконец сказал он.

– Артур Кринстон объяснит вам, как лучше действовать. Я договорюсь с дядей, чтобы он принял вас в половине девятого сегодня вечером. Я заеду за вами и отвезу в наш дом. Я буду у вас в восемь. Вас это устроит?

– Не вешайте трубку, пожалуйста, – попросил Мейсон и повернулся к Артуру Кринстону:

– Звонит мисс Челейн. Она считает, что мне следует встретиться с ее дядей сегодня вечером. Она договорится с ним.

– Прекрасно! – воскликнул Кринстон. – Мне нравится эта

идея. Лучше и придумать нельзя.

– Я согласен, мисс Челейн, – сказал Мейсон в трубку. – Буду ждать вас у себя в конторе в восемь, и вы отвезете меня, куда требуется.

Мейсон повесил трубку и внимательно посмотрел на Кринстона.

– Странное дело, – заметил адвокат. – Все заинтересованные лица страшно спешат.

Артур Кринстон расхохотался.

– Вы плохо знаете Фрэн, – сообщил он.

– Мне она показалась очень спокойной девушкой, умеющей держать себя в руках, – ничего не выражающим тоном сказал Мейсон.

Кринстон вынул сигару изо рта и долго смеялся.

– Мистер Мейсон, вы же должны хорошо разбираться в людях! Вы ведь прекрасно знаете, что об этих современных девушках ни в коем случае нельзя судить по их внешнему виду. Никогда не выводите ее из себя. Если она начинает злиться, то просто превращается в ведьму.

Мейсон без улыбки посмотрел на посетителя.

– Правда? – спросил он все тем же ничего не выражающим тоном.

– Не обижайтесь, – продолжал Кринстон, – но вы на самом деле неправильно оценили Фрэн Челейн. Она просто динамит! А теперь давайте обсудим планы на вечер. Я думаю, если уж вы согласились встретиться сегодня с Нортоном, то

мне стоит прийти чуть раньше вас и попытаться его немного смягчить. Он – своеобразная личность. Вы все поймете, когда увидите его. Это хладнокровный, расчетливый деловой человек.

– У мисс Челейн могут возникнуть трудности, когда она будет договариваться с ним на сегодняшний вечер? – спросил Мейсон, внимательно наблюдая за собеседником.

– Нет. Он любит работать по ночам. У него офис в том же доме, где он живет. Он там частенько засиживается за полночь и большинство встреч назначает на послеобеденное или вечернее время.

Кринстон встал с кресла, подошел к адвокату и пожал ему руку:

– Очень рад был познакомиться. Постараюсь немного подготовить Эдварда Нортон к встрече с вами.

– У вас есть какие-нибудь предложения насчет того, что мне лучше с ним обсуждать? – спросил Мейсон.

– Никаких. Единственное, что я могу вам сказать, – ничего не планируйте заранее. Вы сразу же поймете, что Эдвард Нортон сам устанавливает правила игры.

Когда Кринстон ушел, Мейсон несколько минут ходил из угла в угол, затем открыл дверь и вышел из кабинета.

Офис адвокатской конторы Мейсона состоял из личного кабинета, двух приемных, библиотеки и комнаты машинистки. Делла Стрит выполняла функции и секретаря, и машинистки. Фрэнк Эверли, молодой адвокат, набирался у Мей-

сона практического опыта. Мейсон отправился в библиотеку, где, склонившись над книгами, сидел Фрэнк Эверли.

– Фрэнк, я хочу попросить тебя об одном одолжении, причем все надо сделать очень быстро.

Эверли отодвинул книгу в кожаном переплете и поднялся со стула:

– Да, сэр?

– Я думаю, что некий Роберт Глиасон женился на некой Фрэнсис Челейн. Я не знаю, когда произошло бракосочетание, но, возможно, несколько недель назад. Они попытались не афишировать это событие. Тебе придется просмотреть разрешения на вступление в брак. Пожалуйста, позвони в отдел, занимающийся выдачей разрешений, и попроси кого-нибудь из служащих задержаться. Они закрываются через несколько минут.

– Да, шеф, – кивнул Эверли. – Где мне вас потом искать?

– Запиши все, что выяснишь, на лист бумаги, положи в конверт, заклей его и надпиши: «Строго конфиденциально», а потом оставь под пресс-папье у меня на столе.

– Будет сделано, шеф, – сказал Эверли и направился к телефону.

Мейсон вернулся к себе в кабинет, заложил большие пальцы рук в проймы жилета и снова начал медленно расхаживать из угла в угол.

Глава 4

Фрэн Челейн прекрасно водила машину. Она очень уверенно сидела за рулем большого «паккарда».

В огромном кожаном кресле в конторе адвоката она казалась маленькой, хрупкой и беззащитной. Теперь ни о какой беззащитности не могло быть и речи. Сразу же становилась видна внутренняя сила. В движениях девушки проглядывало что-то кошачье. О ее характере можно было судить также по манере вождения автомобиля: на высокой скорости проскользнула в открывающееся между машинами пространство, резко тормозила на красный свет и мгновенно срывалась с места на зеленый. На ее лице сохранялось недовольное, мрачное выражение. Сидя справа от нее, адвокат внимательно изучал профиль девушки.

Фрэн Челейн взлетела на холм, спустилась и вырулила на петляющий подъезд к дому, открывшемуся меж зарослей кустарника. Она кивнула вперед:

– Это здесь.

Мейсон рассматривал огромное здание, светившееся огнями.

– Какая гармоничная постройка, – заметил он.

– Да, – резким тоном ответила Фрэн Челейн.

– Много слуг? – поинтересовался Мейсон.

– Достаточно: садовник, экономка, дворецкий, шофер и

секретарь.

– Вы считаете секретаря слугой? – удивился Мейсон.

– Да, – отрезала она.

– Очевидно, вы его недолюбливаете.

Она не обратила внимания на его слова, резко повернула руль. Завизжали шины.

– Кстати, если вы чем-то рассержены, то совсем необязательно вымещать злость на автомобиле, пока в нем нахожусь я, – заметил Мейсон. – Мне может не удастся нужный жест перед присяжными в суде, если одна моя рука вдруг окажется в гипсе.

– Подумаешь, – заявила она, вписываясь в следующий поворот на еще большей скорости. – Вы можете и обеих ног лишиться.

Мейсон протянул руку и повернул ключ зажигания.

– Хватит, – сказал он.

Она резко нажала на тормоз и повернулась к нему со сверкающими гневом глазами.

– Не смейте прикасаться к машине, когда я за рулем! – заорала Фрэн Челейн. – Вы слышите меня? Не смейте!

– Не пытайтесь рисоваться передо мной, – спокойно ответил Мейсон, – рискуя и своей, и моей жизнью. В этом нет необходимости.

– Я не пытаюсь рисоваться перед вами! – взорвалась она. – Мне плевать на то, что вы обо мне думаете. Я не хочу опаздывать. Если мы задержимся хоть на пять минут, то вообще

зря приедем. Он просто нас не примет.

– От меня будет гораздо больше пользы, если я доберусь в целости и сохранности, – заметил Мейсон.

Машина стояла на дорожке. Девушка убрала руки с руля и повернулась к Мейсону.

– Я управляю этой машиной! – закричала она. – И я не хочу, чтобы вы мне мешали! – Внезапно она улыбнулась. – Простите! – импульсивно воскликнула она. – Я не права, я веду себя, как испорченный ребенок. Я просто очень спешу.

– Все в порядке, – примирительно сказал адвокат. – Но ведь у вас вспыльчивый характер, согласитесь.

– Конечно. Я думала, вы об этом знаете.

– Не знал, пока Кринстон не сообщил мне.

– Он вам это сказал?

– Да.

– Ему не следовало говорить подобное.

– А моя секретарша решила, что у вас мрачный вид, – продолжал Мейсон. – Вначале я подумал, что она права, но потом понял, что нет. Вы не мрачны, вы просто в панике – вот и все. Вы выглядите мрачной, потому что напуганы.

Она снова резко повернулась. В ее глазах просквозило удивление. Так ничего и не произнеся, она перевела взгляд на дорогу и завела машину. Никто из них не сказал ни слова, пока автомобиль не остановился у крыльца.

– Нам лучше выйти здесь, – заявила она.

Мейсон открыл дверцу.

– Вы собираетесь присутствовать при разговоре? – поинтересовался он.

Она спрыгнула на дорожку, сверкнув коленями, и поправила юбку.

– Я только представлю вас. Пойдемте.

Адвокат последовал за Фрэн Челейн к входной двери, которую она открыла своим ключом.

– Вверх по лестнице.

Они поднялись и повернули налево. Из одной из дверей вышел мужчина и остановился, уставившись на них. В руке он держал специально предназначенный для стенографирования блокнот, прикрепленный к твердой планке; под мышкой мужчины находились листы чистой бумаги.

– Мистер Дон Грейвс, секретарь моего дяди, – представила Фрэн. – Мистер Перри Мейсон, адвокат.

Мейсон поклонился и заметил, что Дон Грейвс уставился на него с нескрываемым любопытством.

Секретарь оказался стройным, хорошо одетым, светловолосым мужчиной с карими глазами. В нем явно проглядывала определенная доля настороженности, словно он вот-вот собирался или вступить в разговор, или броситься бежать. И поза, и манеры указывали на физическое и нервное напряжение.

Дон Грейвс заговорил очень быстро – казалось, что слова наскакивают друг на друга:

– Очень рад познакомиться с вами. Мистер Нортон ждет

вас. Пожалуйста, проходите. Он примет вас.

Перри Мейсон ничего не сказал, решив, что легкого поклона будет достаточно.

Девушка прошла мимо секретаря. Адвокат проследовал за ней. Фрэн пересекла приемную, в которой стояли стол с пишущей машинкой, сейф, несколько шкафов, забитых папками и бумагами, два телефона, счетная машинка и картотека. Не постучав, Фрэн толкнула дверь кабинета. Мейсон увидел высокого мужчину лет пятидесяти пяти, который смотрел в их сторону с ничего не выражающим лицом.

– Вы опоздали, – заметил он.

– Не больше чем на минуту, дядя Эдвард, – ответила девушка.

– Минута состоит из шестидесяти секунд.

Она ничего не ответила и повернулась к Мейсону.

– Это мой адвокат, Перри Мейсон, дядя Эдвард, – представила она.

Мужчина заговорил бесстрастным тоном, четко произнося каждое слово:

– Я очень рад, что ты решила обратиться за консультацией к адвокату. Теперь мне будет легче объяснить тебе кое-какие вещи, о которых ты мне не верила на слово. Мистер Мейсон, рад познакомиться с вами, хорошо, что вы согласились заехать ко мне.

Он протянул руку. Мейсон пожал ее и сел.

– Ну ладно, я покидаю вас, – объявила Фрэн Челейн. –

Мое будущее остается в ваших руках.

Она улыбнулась мужчинам и вышла из комнаты. Мейсон услышал, что она сразу же принялась что-то обсуждать с Доном Грейвсом.

Эдвард Нортон немедленно перешел к делу, не тратя ни секунды на любезности.

– Вы, несомненно, уже ознакомились с завещанием и решением о распределении собственности, не так ли? – спросил он.

– Да.

– Тогда вы должны понимать, что практически все оставлено на мое усмотрение.

– Да, очень многое, – подтвердил Мейсон.

– Как я догадываюсь, моя племянница хочет, чтобы вы добились какой-то модификации определенных положений завещания и учреждения траста?

– Совсем необязательно, – ответил Мейсон, тщательно подбирая слова. – Она бы, как мне кажется, хотела иметь больше свободы, а также выяснить вашу реакцию на совершение ею определенных действий, если она на них решится.

– Например, на ее замужество? – спросил Нортон.

– Мы можем рассмотреть ее замужество как одну из возможностей, – согласился Мейсон.

– Да, можем, – сухо сказал Нортон. – Этот вопрос обдумывал ее отец, когда был жив, а после его смерти многократно и я. Наверно, вы не осознаете, мистер Мейсон, что у моей

племянницы абсолютно неуправляемый характер. Она просто превращается в настоящую тигрицу, если выходит из себя. Она импульсивна, упряма, своевольна, эгоистична и в то же время чрезвычайно мила и привлекательна. Ее отец понимал, что ее следует защищать от самой себя. Он также понимал, что, возможно, самое худшее для нее – предоставить ей в распоряжение большую сумму денег. Он знал, что я разделяю его точку зрения, поэтому он составил завещание именно таким образом. Вы должны знать, мистер Мейсон, что если я передам деньги в благотворительные учреждения, а не моей племяннице, что в соответствии с завещанием оставлено на мое усмотрение, то сделаю это только в том случае, если посчитаю, что такая сумма принесет ей только вред. Богатство при подобном темпераменте часто приводит к страданиям.

– А вы не думаете, что будет лучше для всех заинтересованных сторон, если вы начнете приучать ее обращаться с крупными денежными суммами, постепенно увеличивая их? – дипломатично заметил Мейсон. – К тому же не исключено, что замужество может изменить ее в лучшую сторону – сделать более уравновешенной и спокойной.

– Я слышал все эти аргументы, – возразил Нортон. – И уже устал от них. Простите, я ничего не имею против вас лично. Я просто говорю то, что думаю. Мне доверено управление этим капиталом. До сих пор я распоряжался им очень разумно. Несмотря на экономические преобразования, свидетеля-

ми которых мы были на протяжении последних нескольких лет, я могу с радостью констатировать, что размер вверенных мне фондов неуклонно повышался. К настоящему времени оставленный в мое распоряжение капитал значительно вырос. Недавно я полностью лишил свою племянницу ее ежемесячного пособия. Она не получает ни цента.

На лице Мейсона появилось удивление.

– Как я вижу, – заметил Нортон, – она не поставила вас в известность обо всех имевших место фактах.

– Я не знал, что вы полностью лишили ее денег, – ответил адвокат. – Могу я спросить о причине, которая толкнула вас на этот шаг?

– Конечно. Я считаю, что мою племянницу шантажируют. Я спрашивал ее об этом, и она отказалась ответить, кто именно требует у нее денег и что она такого сделала, что дала повод для шантажа. Поэтому я пришел к выводу, что будет лучше, если я полностью лишу ее возможности делать какие-либо выплаты наличными какому бы то ни было лицу. При сложившихся обстоятельствах, как мне кажется, ситуация должна прийти к завершению в течение нескольких последующих дней.

Нортон смотрел на Мейсона холодным взглядом. В нем не было сердечности, но и ни доли враждебности.

– Вы понимаете мое положение? – спросил адвокат.

– Естественно. Я рад, что моя племянница обратилась за консультацией к юристу. Я не знаю, договаривалась ли она об

оплате ваших услуг. Если нет, я прослежу, чтобы ваш гонорар был выплачен из траст-фонда. Но мне бы хотелось, чтобы вы убедили ее, что она бессильна что-либо предпринять.

– Нет, я получу свой гонорар от нее лично, – ответил Мейсон. – Я не связываю себя обязательствами дать какой-то конкретный совет. Давайте поговорим о том, *как именно* вы собираетесь действовать на ваше усмотрение, вместо обсуждения того, имеете ли вы на это право.

– Это единственный вопрос, который не подлежит обсуждению, – безапелляционно заявил Нортона.

– Я в первую очередь пришел сюда именно за этим, – дружелюбно сказал Мейсон, пытаясь сдержать раздражение.

– Нет, это мы не будем обсуждать, – холодно повторил Эдвард Нортона. – Пожалуйста, ограничьтесь правами вашей клиентки, предоставленными ей по завещанию.

Мейсон смотрел на хозяина кабинета ледяным, оценивающим взглядом.

– Мне много раз приходилось убеждаться в том, что у каждого правового вопроса имеется масса аспектов, к нему можно подходить с разных углов. Если вы, например, посмотрите на обсуждаемую нами проблему просто по-человечески, то...

– Я позволю вам говорить только об одном, – прервал его Эдвард Нортона, – а именно: о законности учреждения траст-фонда и интерпретации завещания. Но ни о чем больше.

Мейсон отодвинул стул и встал.

– Я не привык, чтобы мне указывали, о чем я буду говорить, а о чем нет, – сурово ответил адвокат. – Я представляю права Фрэнсис Челейн, вашей племянницы. И я буду говорить все, что пожелаю, в отношении этих прав!

Эдвард Нортон протянул руку к кнопке и нажал ее костлявым пальцем. Его жест был полностью лишен каких-либо эмоций.

– Я вызываю дворецкого, который проводит вас до выхода, мистер Мейсон. Я считаю разговор законченным.

Адвокат стоял напротив хозяина дома, широко расставив ноги.

– Тогда вам лучше вызвать сразу двух дворецких, да еще и секретаря в придачу. Им всем потребуются приложить немало усилий, чтобы выпроводить меня отсюда, пока я не сказал все, что собирался сказать. Вы сделали грубую ошибку, обходясь с вашей племянницей, словно с рабой или вещью. Это пылкая, легко возбудимая натура. Не знаю, почему вы решили, что ее шантажируют, но если вы так уверены...

Дверь в кабинет открылась, и на пороге появился широкоплечий мужчина с каменным лицом. Он поклонился Нортону:

– Вызывали, сэр?

– Да. Проводите этого господина.

Дворецкий положил тяжелую руку на плечо Мейсона. Адвокат резко сбросил ее и вновь посмотрел на Нортонa.

– Никто не будет меня провожать или выставлять вон, по-

ка я не сказал все, что собирался. Если эту девушку шантажируют, то вам следует вести себя как живому человеку, а не кассовому аппарату, и дать ей поблажку...

За спиной Мейсона послышалось движение, и в комнату вбежала Фрэнсис Челейн. Она посмотрела на адвоката темными глазами, которые казались ничего не выражающими. На лице было написано недовольство.

– Вы сделали все, что могли, мистер Мейсон, – сказала она.

Адвокат продолжал с хмурым видом глядеть на сидящего за письменным столом хозяина дома.

– Вы больше, чем просто казначей, или, по крайней мере, должны быть. Ей следует обращаться к вам за...

Фрэн Челейн потянула его за рукав:

– Пожалуйста, мистер Мейсон, пожалуйста. Я знаю, что вы пытаетесь мне помочь, но ваши слова приведут как раз к противоположному результату. Пожалуйста, ничего больше не говорите.

Мейсон глубоко вздохнул и вышел из кабинета. Дворецкий захлопнул за ним дверь. Адвокат повернулся к Фрэнсис Челейн и воскликнул:

– Это самая упрямая, хладнокровная и абсолютно лишенная чувств личность из всех, кого я когда-либо встречал на своем пути! Просто айсберг какой-то!

Она взглянула на него и рассмеялась:

– Я знала, что, если попытаюсь объяснить вам, насколько

безнадежно упрям мой дядя, вы мне не поверите. Так что я воспользовалась шансом дать вам лично убедиться в том, что он собой представляет. Теперь вы понимаете необходимость принятия законных мер?

– Хорошо, мы их примем, – мрачно заявил Мейсон.

Глава 5

Мейсон вошел в свой кабинет, открыв дверь, запертую на ключ, подошел к письменному столу и поднял пресс-папье. Под ним лежал конверт с пометкой «Строго конфиденциально». Мейсон разорвал конверт и увидел записку, написанную почерком Фрэнка Эверли:

«Роберт Глиасон и Фрэнсис Челейн обратились за разрешением на вступление в брак четвертого числа прошлого месяца. Они официально зарегистрировали брак восьмого числа в Кloverдейле».

Внизу стояла подпись: инициалы помощника Мейсона.

Адвокат несколько минут смотрел на сообщение, затем заложил большие пальцы рук в проймы жилета и стал ходить по кабинету. Через некоторое время он отправился в библиотеку, достал один из справочников, посвященный завещаниям, и начал читать. Он прервал чтение только для того, чтобы подойти еще к одному книжному шкафу и взять том «Тихоокеанского репортера». На протяжении часа он просматривал отчеты о слушаниях дел в суде, а затем снял с полок еще несколько томов по интересующему его вопросу.

Адвокат полностью сконцентрировался на работе, он трудился без устали, периодически доставая все новые и новые тома. Лицо его не выражало никаких эмоций.

Где-то в здании часы пробили полночь, но Мейсон про-

должать читать. Стопка юридической литературы на столе все увеличивалась и увеличивалась. Адвокат шел то в один конец библиотеки, то в другой, изучая все новые и новые отчеты о судебных процессах. Иногда он делал какие-то пометки в блокноте, часто оставлял закладку на только что прочитанной странице. Эти книги он откладывал в сторону.

В четверть второго зазвонил телефон.

Мейсон нахмурился и решил не обращать внимания на звонок.

Телефон продолжал звонить: кто-то был очень настойчив и требователен.

Мейсон пробормотал что-то себе под нос, повернулся к аппарату и поднял трубку.

– Алло! – крикнул он. – Вы ошиблись номером.

– Простите, сэр, вы – Перри Мейсон, адвокат? – спросили на другом конце провода.

– Да, – раздраженно ответил Мейсон.

– Подождите секундочку.

Мейсон услышал, как кто-то шепчется, затем отчетливо прозвучал голос Фрэн Челейн:

– Мистер Мейсон?

– Да.

– Вы должны немедленно приехать.

– Приехать куда? И зачем? – недоумевал адвокат. – Что случилось?

– К нам домой. Моего дядю только что убили.

– Что?!

– Его только что убили, – повторила Фрэн.

– Известно, кто это сделал?

– Они думают, что знают, – ответила она тихим голосом, словно пытаясь, чтобы ее никто не услышал. – Приезжайте немедленно!

Она повесила трубку.

Мейсон покинул офис, даже не выключив свет. Ночной сторож, выполнявший также обязанности лифтера, заметил, когда адвокат вошел в лифт:

– Вы сегодня здорово припозднились.

Мейсон вежливо улыбнулся:

– Если хочешь добиться результатов, приходится иногда жертвовать сном.

Он выбежал из лифта, быстрым шагом пересек холл здания, по диагонали перешел улицу к гостинице, у которой была стоянка такси. Он назвал таксисту адрес Нортон и попросил сильнее жать на газ.

– Будет сделано, – заверил водитель, захлопывая дверцу.

Машина сорвалась с места. Мейсон откинулся назад. Его лицо не меняло выражения, хотя по глазам сразу же становилось понятно, что он напряженно думает. Он ни разу не посмотрел по сторонам. И лишь только когда машина повернула на подъезд к дому, Мейсон вышел из оцепенения.

Все окна огромного особняка светились огнями. Лужайки перед ним были также освещены. Перед входом стояла

дюжина машин.

Мейсон расплатился с таксистом и подошел к дому. На освещенном крыльце выделялся силуэт грузного Артура Кринстона.

Кринстон заметил адвоката и двинулся навстречу.

– Мейсон! – воскликнул он. – Рад, что вы приехали. Я хочу переговорить с вами, пока вас еще никто не видел.

Он взял адвоката под руку и повел его по асфальтированной дорожке, а затем по лужайке, пока они не оказались в тени живой изгороди.

– Послушайте, дело очень серьезное. Мы пока не знаем, насколько серьезное. Я хочу взять с вас обещание, что вы будете защищать Фрэн. Что бы ни случилось, я постараюсь, чтобы она не оказалась замешана в эту историю.

– А она будет в нее замешана? – спросил Мейсон.

– Нет, если вы согласитесь ее защищать.

– Вы имеете в виду, что она каким-то образом уже замешана в убийстве?

– Нет-нет, совсем нет, – быстро попытался разуверить его Кринстон. – Но она – очень своеобразный человек, у нее дьявольский характер. Как-то она, конечно, замешана, только я не знаю как. Незадолго до смерти Эдвард Нортон позвонил в полицию и хотел, чтобы его племянницу арестовали, по крайней мере, так утверждают полицейские.

– Арестовали? – переспросил Мейсон.

– Ну, не совсем так, но он собирался ее каким-то обра-

зом наказать. Я сам еще не во всем разобрался. Понимаете, она уехала на его «бьюике». Полиция утверждает, что Нортон позвонил с заявлением, что «бьюик» украли. Он просил найти машину, а водителя посадить в тюрьму. Он сказал, что не имеет значения, *кто* за рулем.

– Таким образом, это случилось после того, как я отсюда уехал, но до того, как Нортон убили, – сделал вывод Мейсон.

Кринстон пожал плечами:

– Полицейские заявляют, что звонок зарегистрирован в одиннадцать пятнадцать. Лично я думаю, что все это чушь. В полиции наверняка ошиблись. У Нортон, конечно, были свои недостатки, даже много недостатков, но он по-своему любил племянницу. Я не могу поверить, что он хотел, чтобы ее арестовали.

– Ладно, забудем пока об этом. Что там с убийством? Известно, кто виновен?

– Очевидно, этот вопрос уже решен, – ответил Кринстон. – Пит Девоз, шофер, напился и убил его из-за денег. Он попытался представить все таким образом, словно в дом вломились воры, но сам все смазал.

– Как был убит Нортон?

– Девоз ударил его тростью по голове. Грязная работа. Он нанес очень сильный удар.

– А трость нашли?

– Да, – ответил Кринстон. – Вот здесь Девоз и допустил

промах. Он спрятал ее в шкаф у себя в комнате. Он не думал, что полиция станет обыскивать внутри дома, потому что он попытался все представить так, будто в дом вломились воры. Я вам все расскажу подробно, когда у нас будет больше времени. Дон Грейвс фактически видел, как совершалось преступление.

– Быстро опишите мне все в общих чертах, – попросил Мейсон. – Не вдаваясь в детали.

Кринстон глубоко вздохнул, а затем начал рассказ:

– Вы знаете, что Нортон – «сова». Он часто работал до полуночи. На сегодняшней вечер у него была запланирована встреча со мной, а у меня была назначена встреча с муниципальным судьей Пурлеем. Я задержался у судьи и попросил его подбросить меня сюда на машине и подождать, пока я не освобожусь. Мне требовалось всего несколько минут, чтобы решить вопрос с Нортоном. Я забежал в кабинет, переговорил с Эдвардом, а затем вернулся к судье Пурлею. Мы уже собирались отъезжать, когда Нортон открыл окно на верхнем этаже, высунулся и позвал меня. Он спрашивал, не прихватим ли мы с собой Дона Грейвса. Эдвард посылал его за важными документами и хотел, чтобы секретарь поехал с нами и таким образом сэкономил время. Речь шла о бумагах, которые я обещал подготовить для Грейвса, договорах, касающихся нашей совместной с Нортоном деятельности. Я спросил у судьи Пурлея, не возражает ли он, и судья согласился взять Грейвса. Так что я крикнул Нортону,

чтобы Грейвс спустился, но тот, предположив, что возражений не будет, стоял уже у выхода. Он подбежал к машине и открыл заднюю дверцу. Мы отправились по направлению к бульвару. Вы сами видели, как петляет дорога. Грейвс почему-то посмотрел назад. С определенной точки можно увидеть, что происходит в кабинете Нортон. Грейвс внезапно закричал. Он сказал, что видел мужчину в кабинете Нортон, этот мужчина держал трость и ударил Нортон по голове. Судья Пурлей доехал до места, где можно развернуть машину. Он решил, что Грейвс ошибся, но секретарь настаивал, что никакой ошибки быть не могло. Он четко все видел. Так что судья Пурлей поехал назад к дому на большой скорости. Когда машина затормозила, мы все втроем бросились наверх в кабинет. Нортон лежал на письменном столе, затылок был разбит, карманы вывернуты наизнанку, пустой бумажник валялся на полу.

– И как вы поступили? – спросил Мейсон.

– Мы сразу же позвонили в полицию. Одно из окон в столовой было распахнуто, от него по газону вели следы очень большого размера. Полицейские решили, что Девоз, наверное, специально надел вторые ботинки поверх своих собственных, чтобы сбить полицию с толку. Вы все подробно узнаете, когда попадете в дом, мистер Мейсон.

Адвокат задумчиво уставился в полумрак, создаваемый тенью живой изгороди.

– Зачем Нортону было обвинять племянницу в краже ав-

томобиля? – наконец спросил он.

– Возможно, просто по недопониманию, – предположил Кринстон. – Я считаю, что Нортон не знал, что именно Фрэн взяла машину. Он просто выяснил, что «бьюик» пропал, и позвонил в полицию. Они работали по этому делу, когда мы сообщили об убийстве. Так что они, наверное, решили, что кража машины каким-то образом связана с убийством.

– А теперь они знают, что «бьюик» брала Фрэн? – поинтересовался Мейсон.

– Да, она призналась в этом.

– Странно, что Нортон хотел ее ареста, – настаивал Мейсон.

– Хотел, если только в полиции все правильно записали. Ошибка маловероятна, потому что у них именно тот номер машины. Но Фрэн – своеобразная девушка, никто не представляет, что она может выкинуть. Ради бога, поговорите с ней и не дайте ей впутаться в это дело.

– Вы абсолютно уверены, что она не имеет никакого отношения к убийству?

– Не знаю, – ответил Кринстон и быстро добавил: – Нет, конечно нет. Она не могла это сделать. У нее, несомненно, скверный характер, и они здорово поругались после вашего отъезда, но в любом случае у нее бы не хватило силы нанести удар. А если у нее был сообщник... В общем, нет смысла рассуждать подобным образом, потому что это глупости. Виновен Девоз. Но вы сами знаете, что происходит, когда со-

вершено убийство. На свет божий вытаскивается масса грязи. Я хочу, чтобы вы связались с Фрэн и помогли ей.

– Хорошо, – согласился Мейсон, направляясь к дому. – Но вы или считаете, что она замешана в деле, или что-то скрываете от меня.

Кринстон схватил Мейсона за руку.

– Что касается оплаты ваших услуг, то теперь, когда Нортон нет, все будет значительно проще, – сообщил Кринстон. – У нашей с Нортоном фирмы есть кое-какие активы, к тому же теперь весь траст-фонд, насколько я понимаю, перейдет к Фрэн. Я верю в вас, мистер Мейсон, и прошу вас сразу же взяться за дело. То есть выступить в качестве адвоката Фрэн, разобраться с ее имуществом и защитить от допросов полиции.

Мейсон остановился и посмотрел на Кринстона:

– Вы можете быть со мной откровенны. Похоже, вы думаете, что она не выдержит допроса.

Кринстон сжал зубы, взгляд его встретился со взглядом адвоката.

– Конечно, она не выдержит, если ее будут долго допрашивать. Неужели я потратил столько времени, объясняя вам случившееся, а вы так и не поняли, к чему я клоню?

– Почему она не выдержит долгого допроса? – настаивал Мейсон. – Вы считаете, что она замешана в убийстве?

– Я просто говорю вам, что она не выдержит долгого допроса, – упрямо повторил Кринстон. – Во-первых, у нее не

тот темперамент, у нее вспыльчивый характер, и она просто изрыгает огонь, если ее вывести из себя. Дело не в убийстве, а в том, что случайно может всплыть в связи с ним. А теперь, пожалуйста, постарайтесь сделать так, чтобы полиция ее не допрашивала.

– Прекрасно. Я просто добивался, чтобы между нами не осталось недопонимания, вот и все. Я хотел выяснить, опасаетесь ли вы, что Фрэн попадет в беду.

– Конечно! – воскликнул Кринстон.

– Вы имеете в виду ее личные дела?

– Я все имею в виду. Пойдемте в дом.

На крыльце стоял полицейский. Он спросил у Мейсона, кто он такой.

– Это мой адвокат и личный адвокат Фрэнсис Челейн. Он также будет заниматься вопросами имущества, – объяснил Кринстон.

– Хорошо, – сказал полицейский. – Вы, господа, конечно, можете входить и выходить из дома, но, пожалуйста, ни до чего не дотрагивайтесь в месте, где совершено убийство.

– Конечно, – ответил Кринстон и вошел в дом.

Глава 6

Фрэнсис Челейн была одета в шорты и спортивный голубой с блестками джемпер, который прекрасно сочетался с ее шелковистыми золотистыми волосами.

Она сидела у себя в спальне, удобно расположившись в кресле, закинув ногу на ногу, и смотрела в лицо адвокату. Она явно была настороже. Казалось, она к чему-то прислушивалась и ждала, что вот-вот что-то случится.

Дом был полон разнородных звуков. Было ясно, что в здании находится много людей. По деревянным полам и лестницам постоянно сновали люди, открывались и закрывались двери, слышались голоса.

Мейсон внимательно посмотрел на Фрэн Челейн.

– Расскажите мне все, что случилось, – попросил он.

Она начала говорить ничего не выражающим, тихим голосом, словно повторяя заученный монолог:

– Я очень мало знаю о том, что произошло. После вашего ухода я поругалась с дядей Эдвардом. Он был просто невозможен. Он пытался обращаться со мной как с вещью и сломить мой дух. Я сказала ему, что отец хотел совсем не этого и он обманул его доверие.

– Что вы имели в виду? – спросил Мейсон.

– Отец составил завещание именно таким образом, потому что боялся, что обладание огромным богатством ударит

мне в голову, но он не предполагал, что дядя Эдвард совсем лишит меня денег.

– Ладно. Кто-то знал о вашей ссоре?

– Наверное, – бесстрастно ответила она. – Дон Грейвс, да, не исключено, и другие слуги все слышали. Я очень разозлилась.

– Что вы делаете, когда выходите из себя?

– Все.

– Вы повышали голос?

– Как только могла.

– Что-нибудь, не свойственное истинной леди? Ругались, например?

– Конечно, ругалась, – ответила она так же бесстрастно. – Я уже сказала вам, что очень разозлилась.

– Что произошло потом?

– Затем я спустилась вниз, и у меня возникло желание убежать от дяди Эдварда, его денег и всего остального. Я просто хотела уйти куда-нибудь из этого дома.

– Именно тогда вы взяли машину?

– Нет. Я еще дойду до этого. Я отправилась упаковывать вещи, но потом решила не уезжать. Я начала остывать. У меня отвратительный характер, но, успокоившись, я понимаю, когда допускаю ошибку. Я осознала, что в этом случае ошибкой будет уехать из дома насовсем, но мне требовался свежий воздух. Пешком ходить я не люблю, зато езду на машине обожаю. На этот раз мне захотелось быстрой езды.

– Да, я прекрасно знаю, как вы можете отвлечься от проблем, включив высокую скорость, – сухо заметил Мейсон.

– Но каким-то образом надо от них отключаться! – воскликнула она.

– Хорошо, продолжайте.

– Я отправилась в гараж. Мой «паккард» стоял за «бьюиком», и мне все равно пришлось бы отгонять «бьюик», так что, сев в него, я просто решила не пересаживаться.

– «Бьюик» – машина вашего дяди?

– Да.

– Он не позволял вам ею пользоваться?

– Он мне этого не запрещал, но я просто на ней никогда не ездила. Он с ней очень возился, записывал, сколько миль проехал, сколько ушло бензина и все в таком роде. В ней через определенное число миль прогона меняли масло. Я со своим «паккардом» так не нянчусь, просто езжу, пока что-то не сломается, а тогда уж ставлю на ремонт.

– Так что вы взяли «бьюик» без разрешения дяди?

– Да.

– И куда вы направились?

– Не знаю. Просто гоняла по округе.

– На высокой скорости?

– Конечно.

– Как долго вы отсутствовали?

– Не знаю. Я вернулась в дом незадолго до прибытия полиции. Наверное, минут через десять или пятнадцать после

убийства.

– А пока вы отсутствовали, ваш дядя обнаружил пропажу машины, не так ли?

– Ему, наверное, сообщил об этом Девоз.

– А он откуда узнал?

– Понятия не имею. Возможно, слышал, как я отъезжала, и пошел в гараж посмотреть, какую машину я взяла. Я его всегда недолюбливала. Это здоровенный, нескладный детина, у которого никогда нет собственного мнения. Он просто проживает свои дни, один за другим.

– Это не имеет значения, – перебил ее Мейсон. – Почему вы считаете, что о пропаже машины вашему дяде сказал Девоз?

– Не знаю. Наверное, потому, что дядя Эдвард позвонил в полицию, да в общем-то я всегда считала шофера фискалом.

– В какое время ваш дядя позвонил в полицию?

– Он сообщил о краже машины в четверть двенадцатого. Если не ошибаюсь, звонок зарегистрирован в участке в одиннадцать четырнадцать.

– Когда вы уехали на машине? – спросил Мейсон.

– Я думаю, где-то без четверти одиннадцать.

– Значит, вы находились в машине около получаса до того, как ваш дядя позвонил в полицию?

– Да, наверное.

– Когда вы вернулись?

– Примерно в четверть первого. Я отсутствовала где-то

часа полтора.

– Когда полиция прибыла в дом?

– Полтора часа назад.

– Нет, я имею в виду, сколько времени прошло после вашего возвращения до их приезда?

– Минут десять-пятнадцать.

– Что ваш дядя сказал полиции?

– Я знаю только то, что они мне сообщили. Со мной говорил один следователь. Он спросил, не могу ли объяснить, почему мой дядя заявил, что машина украдена.

– Так что же все-таки ваш дядя сказал полиции?

– Судя по словам этого следователя, мой дядя позвонил в участок, представился как Эдвард Нортон и заявил, что должен сообщить о совершении преступления. Потом что-то произошло – их разъединили. Дежурный на пульте постарался не занимать линию, дядя Эдвард снова до них дозвонился и сообщил о том, что у него украли автомобиль. Он описал свой «бьюик», назвал номерной знак – 12М-1834 и заводской номер – 6754093.

– Как я вижу, вы прекрасно запомнили цифры, – прокомментировал Мейсон.

– Да. Они могут играть важную роль.

– Почему?

– Не знаю. Просто чувствую, что они должны иметь значение.

– Вы признались следователю, что брали машину?

– Да. Я рассказала ему все, как было: что я села в «бьюик» примерно без четверти одиннадцать, а вернулась в пятнадцать минут первого и что я не спрашивала у дяди разрешения.

– Полицейские приняли ваше объяснение?

– О да! Они больше не занимаются этим аспектом дела. Вначале они решили, что воры, возможно, воспользовались «бьюиком», чтобы скрыться.

– Насколько я понимаю, теперь они пришли к выводу, что никаких воров на самом деле не было?

– Да, – согласилась она.

Мейсон начал ходить по комнате из угла в угол. Внезапно он резко повернулся и уставился на девушку.

– Вы не открыли мне всей правды, – сказал он.

Она не показала ни малейшего негодования, а посмотрела на него задумчивым взглядом.

– Что в моем рассказе не вяжется с остальными фактами? – спросила она бесстрастным тоном.

– Я не это имел в виду. Вы просто скрыли от меня правду, когда в первый раз пришли в мой кабинет.

– Что вы хотите сказать? – заинтересовалась Фрэн Челейн.

– Вы рассуждали о том, что хотите выйти замуж и все в таком роде.

– И что из этого?

– Вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Вы уже замужем.

Она резко побледнела и уставилась на него круглыми от

удивления глазами.

– Откуда вы знаете? Вы разговаривали с кем-то из слуг?

– А слуги в курсе дела? – ответил адвокат вопросом на вопрос.

– Нет.

– Тогда почему вы решили, что я разговаривал со слугами?

– Не знаю.

– Вы замужем? – резко спросил Мейсон.

– Не ваше дело.

– Конечно, это мое дело. Вы пришли ко мне с вашими проблемами. Вы ничего не добьетесь, если будете мне врать. Врачу и адвокату вы должны говорить только правду. Вы можете мне доверять. Я никому не передаю то, что открывают мне мои клиенты.

Она поджала губы и уставилась на него.

– Что вы хотите знать? – спросила она.

– Правду.

– Вы ее уже знаете.

– Значит, вы замужем?

– Да.

– Почему вы мне раньше не сказали об этом?

– Потому что мы пытались это от всех скрыть.

– Но кто-то открыл ваш секрет. Кто-то ведь вас шантажирует.

– С чего вы взяли?

– Это не имеет значения. Отвечайте.

Указательным пальцем она стала водить по ручке кресла, точно так же, как делала это в кабинете Мейсона.

– Теперь, после смерти дяди, не играет роли – замужем я или нет, не так ли?

Он холодно посмотрел на нее:

– Насколько я помню, ваш дядя в соответствии с завещанием мог на свое усмотрение передать деньги в благотворительные учреждения, если вы выйдете замуж до достижения вами двадцатипятилетнего возраста.

– Но в случае его смерти управление имуществом, осуществляемое доверенным лицом, прекращается, не так ли?

– Да, доверенное лицо больше им не управляет.

– В таком случае, если он больше не может действовать на свое усмотрение, то, замужем я или нет, роли не играет?

– На первый взгляд я бы именно так интерпретировал завещание, – заявил Мейсон.

Она с облегчением вздохнула:

– Тогда не имеет значения, пытался меня кто-то шантажировать или нет.

Глаза Мейсона впились в лицо девушки, словно пытались сорвать с нее маску и проникнуть в глубь ее души.

– Я бы не стал делать никаких комментариев по этому вопросу, милая леди, – заметил Мейсон.

– Почему?

– Потому что если полиция вдруг откуда-то прослышит

про подобную теорию, то они решат, что это идеальный мотив для убийства.

– Вы хотите сказать, что это я его убила? – спросила Фрэн Челейн.

– Я хочу сказать, – твердым голосом ответил ей адвокат, – что у вас был прекрасный мотив для убийства.

– Его прикончил Пит Девоз, – настаивала девушка.

– В полиции могут прийти к выводу, что Девоз был просто сообщником, – заметил Мейсон.

– Могут, – пожав плечами, согласилась она.

– Ладно, давайте спустимся на грешную землю, – с раздражением в голосе сказал Мейсон. – Не пора ли вам для разнообразия открыть мне всю правду?

– Послушайте, – быстро заговорила она. – Я должна получить большую сумму денег. Мне нужен кто-то, кто бы защищал мои права. Я много слышала о вас и знаю, что у вас замечательный ум. Я вам прекрасно заплачу – за все. Вы понимаете?

– Да. Что вы хотите от меня?

– Я хочу, чтобы вы представляли мои интересы, причем только *мои* интересы. Ваш гонорар составит сорок тысяч долларов, а если вам придется работать с этим траст-фондом – выступать в суде или что-то там еще, – то я заплачу вам еще больше.

Он молча смотрел на нее пару минут, потом сказал:

– Это очень большая сумма за защиту прав, если ничего

не нужно делать.

– Что вы имеете в виду?

– Если вы просто без разрешения взяли машину вашего дяди и ездили по округе, вернули машину и обнаружили, что его убили, то нет необходимости платить адвокату сорок тысяч долларов за то, чтобы он защищал ваши права.

Она скрестила пальцы и спросила:

– Вы будете со мной спорить?

– Нет. Я просто прокомментировал ваши слова. Я хочу, чтобы вы понимали все факты.

– А вы понимаете, что я обещаю заплатить вам сорок тысяч долларов, если вы будете защищать *мои* права? – спросила она.

– Да, – ответил Мейсон.

Она встала с кресла, пересекла комнату быстрым шагом, опустилась на плетеный стул, стоявший перед письменным столом, взяла лист бумаги, написала на нем несколько строк и поставила внизу свою подпись.

– Вот, – сказала она, протягивая лист адвокату. – Долговая расписка. Я обязуюсь уплатить вам сорок тысяч долларов, как только получу наследство, оставленное моим отцом. Я также упомянула, что если начнется судебный процесс, связанный с наследством, то я заплачу вам еще больше.

Мейсон сложил расписку и опустил в карман.

– Полиция подробно расспрашивала вас?

– Нет, они меня в общем-то не беспокоят. Понимаете, то,

что я ездила на машине, когда убили дядю, дает мне алиби, то есть я не могу знать, что происходило в доме во время совершения преступления.

– А когда произошло убийство?

– Они точно знают время – одиннадцать часов и тридцать три или тридцать четыре минуты. Понимаете, мистер Кринстон приехал в машине судьи Пурлея. Судья очень торопился домой. Он отъехал от нашего дома ровно в одиннадцать тридцать. Он точно помнит время, потому что, заводя мотор, посмотрел на часы и сказал что-то о том, что провел здесь целых полчаса. Мне кажется, мистер Кринстон обещал судье Пурлею, что тот потеряет не больше получаса, если забросит его сюда. У мистера Кринстона была назначена встреча с дядей Эдвардом ровно в одиннадцать, а он опоздал на целых семь минут. Я думаю, вы успели составить представление о моем дяде, чтобы понять, что он скажет опоздавшему на семь минут. По пути сюда мистер Кринстон все время поторапливал судью Пурлея.

– Я все равно не понимаю, как время убийства было определено с такой точностью, – заявил Мейсон.

– Но Дон Грейвс видел, как оно совершалось! – объяснила она. – Машина отъехала от дома в половине двенадцатого. До того места, где Грейвс оглянулся и увидел, что происходит в кабинете дяди Эдварда, ехать минуты три. Он заметил, как дядю бьют тростью по голове.

– *Бьют* – во множественном числе? – спросил адвокат.

– Кто-то *бьет* – в единственном, – быстро поправилась она.

– Понятно, – сухо заметил Мейсон.

Глава 7

Перри Мейсон столкнулся с Доном Грейвсом, как раз когда последнего отпустила полиция после подробного допроса.

Грейвс вытер лоб и улыбнулся адвокату.

– Ну и история, – вздохнул секретарь. – Рад, что меня здесь не было.

– Что вы имеете в виду? – спросил Мейсон.

– Полицейские бы, наверное, попытались тогда приписать убийство мне. Они же просто разбирают на части и подвергают сомнению каждое слово.

– Не могли бы вы мне в общих чертах передать то, что рассказывали полиции? – спросил Мейсон.

Грейвс устало вздохнул:

– Я уже столько раз все повторял, что охрип.

Мейсон взял молодого человека под руку и отвел в оранжерею, где вокруг плетеного столика стояло несколько кресел.

– Вы курите? – спросил адвокат, протягивая пачку сигарет.

Грейвс кивнул и нетерпеливо взял предложенную сигарету. Мейсон зажег спичку. Мужчины закурили.

– Начинайте, – предложил адвокат.

– В общем-то особо мне рассказывать нечего. В этом вся

проблема. Полицейские хотят слишком многого. Вначале, когда я закричал, что увидел, как совершается убийство, судья Пурлей решил, что я спятил, потому что он считал, что через заднее стекло движущейся машины я не мог разглядеть происходившее в кабинете, а теперь полиция меня допрашивает, потому что мне нечего больше сказать, а они думают, что я что-то утаиваю.

– Вы видели, как совершается убийство?

– Наверное, – устало ответил Грейвс. – Теперь я не могу утверждать с полной уверенностью, что я видел.

Мейсон не стал ничего комментировать.

– Итак, – продолжал свой рассказ Грейвс, выпуская дым из ноздрей, – у мистера Кринстона была назначена встреча с мистером Нортоном на одиннадцать часов. Мистер Нортон был очень раздражен. Его в тот вечер рассердило несколько вещей – например, ваш визит, а потом скандал с племянницей. Мистер Кринстон попросил меня не упоминать о ссоре с Фрэн Челейн, если меня о ней специально не спросят. Кринстон опоздал к назначенному времени, а вы, наверное, уже поняли, как мистер Нортон реагирует на опоздания. Он был просто в гневе. Когда мистер Нортон сердился, он всегда принимал хмурый вид и становился очень холоден. Я не знаю, о чем они говорили с Кринстоном, только слышал, что они спорят по какому-то вопросу. Если честно, я думаю, что Кринстон был доведен до белого каления, когда он решил уехать. Он сказал судье Пурлею, что выйдет не позднее по-

ловины двенадцатого, и как раз примерно в это время появился в приемной. Мистер Нортон хотел, чтобы Кринстон остался, но тот отказался. Он заявил, что обещал судье Пурлею уехать не позднее половины двенадцатого. Тогда мистер Нортон саркастически заметил, что Кринстон заставил его ждать целых семь минут и отнесся к этому как к должному, а муниципального судью боится задержать даже на десять секунд. Он был просто в ярости.

– И что дальше?

– Кринстон пошел вниз, а где-то через минуту мистер Нортон снова вышел в приемную и сказал, что хочет, чтобы я съездил домой к мистеру Кринстону за какими-то бумагами. Речь шла о договорах, которые они только что обсуждали, и Кринстон обещал их прислать, но Нортон внезапно решил, что не намерен ждать, а желает получить их немедленно. Он велел мне разбудить Девоэ – это наш шофер, – чтобы тот отвез меня в дом к Кринстону. Как раз в этот момент Кринстон и судья Пурлей готовились отъезжать. Насколько я понимаю, судья уже завел машину. Тогда мистер Нортон решил, что если я поеду вместе с ними, то выиграю несколько минут. Он намеревался послать Девоэ вслед за нами, чтобы привезти меня обратно. Мистеру Кринстону потребовалось бы какое-то время, чтобы подготовить документы, а шоферу надо было еще одеться и вывести машину. В общем-то смысла во всем этом не было. Девоэ прекрасно мог бы доставить меня по назначению, но мистер Нортон был так разозлен, что не

мог рассуждать логично. Он открыл окно в своем кабинете, позвал мистера Кринстона и попросил его обождать. Я точно не уверен, но, по-моему, Кринстон вышел из машины и встал прямо под окном, чтобы слышать, что говорит мистер Нортон. Я помню, как Нортон спросил, могу ли я поехать вместе с ними. Кринстон ответил, что он должен спросить разрешения у судьи Пурлея. Я был уверен, что судья не станет возражать, и сбежал вниз. Я не хотел терять ни секунды, зная, в каком состоянии находится мистер Нортон.

– Продолжайте, – подбодрил Мейсон.

– Кринстон уже спросил разрешение у судьи Пурлея и стоял под окном, разговаривая с мистером Нортоном, когда я открыл входную дверь. Увидев меня, мистер Кринстон сказал: «Не мешкайте, Грейвс. Я обещал судье Пурлею, что мы отъедем не позднее половины двенадцатого. Он торопится домой». Я подбежал к машине и оказался на заднем сиденье даже раньше, чем Кринстон сел рядом с судьей. Или мы сели одновременно – я сейчас не могу точно сказать. Судья Пурлей уже завел мотор и, как только захлопнулись дверцы, тронулся с места. Я был сзади, а мистер Кринстон – на переднем сиденье, рядом с водительским. Вы знаете, как петляет дорога, по которой мы ехали. Не понимаю, почему я оглянулся. Может, просто из любопытства, может, какое-то подсознательное предчувствие сыграло роль. В общем, я посмотрел через заднее стекло на одном из поворотов и мог увидеть окна кабинета. Я заметил там людей и видел, как мужчина

замахнулся тростью.

– Сколько человек? – спросил Мейсон.

Дон Грейвс не стал сразу же отвечать. Наконец он глубоко вздохнул и продолжил:

– В одном я уверен – я видел, как один человек поднял руку и ударил другого человека.

– Вы *уверены* в этом?

– Да, сэр, уверен.

– Но в кабинете *мог* находиться кто-то еще? – поинтересовался Мейсон.

– Не думаю, сэр, что на вашем месте я стал бы настаивать на ответе на этот вопрос, – тихим голосом сказал Дон Грейвс.

– Почему бы и нет? – спросил адвокат.

– Я бы не хотел ничего утверждать, – заерзал Грейвс. – Но если вы станете спрашивать в этом направлении, то можете выяснить, что это пойдет совсем не на пользу ни вам, ни вашей клиентке.

– Мне кажется, я понимаю вас, – мягко сказал Мейсон.

Грейвс вздохнул с явным облегчением.

– Вы, конечно, находились на удалении от места преступления? – спросил Мейсон.

– Да, я был достаточно далеко, – подтвердил секретарь.

Мейсон внимательно посмотрел на него, но молодой человек отвел глаза.

– Вы все хорошо видели? – не отставал адвокат.

Грейвс глубоко вздохнул:

– Я четко видел, как кто-то стоит над кем-то и наносит удар.

– Вы видели, как этот второй человек упал?

– Не думаю. Расстояние было достаточно большим. К тому же машина шла на высокой скорости и быстро миновала поворот.

– Вы можете поклясться, что в комнате находились только два человека?

– Нет. Конечно нет, потому что я не видел всю комнату.

– Вы можете поклясться, что *видели* только двух людей в комнате?

– Я именно это и сказал, – ответил Грейвс, а через минуту добавил: – Полиции.

– Я не хочу, чтобы между нами оставалось недопонимание, Грейвс, – тихим голосом обратился к нему Мейсон. – Если вы видели что-то, что указывало в комнате на присутствие третьего лица, заметили ли вы что-то, что помогло бы вам идентифицировать того человека?

– Если честно, мистер Мейсон, то нельзя полностью полагаться на свои впечатления от взгляда через стекло движущегося автомобиля, да еще на таком расстоянии. Причем мимолетные впечатления. – Было очевидно, что Грейвс говорит с большой неохотой. – Это ведь не фотография, которую подержал в руках. Однако у меня в голове отпечаталась одна вещь, о которой я ничего не сказал полиции. Я могу вам сообщить – строго конфиденциально, конечно, – что если я

видел третье лицо в кабинете Нортона, то *это была женщина*.

Мейсон попытался взглянуть прямо в глаза Грейвсу, а потом спросил:

– Вы можете опознать эту женщину?

– Я никому не признавался, что видел женщину, – сообщил Грейвс, – и никого не хочу опознавать.

– Но вы утверждали полицейским с полной уверенностью, что *не* видели никакой женщины в кабинете Нортона?

Грейвс встретился взглядом с адвокатом.

– Я попытался говорить правду, мистер Мейсон. Когда мне задавали вопрос, я отвечал таким образом, чтобы направить расследование в другую сторону. Вы понимаете, что я намерен честно отвечать на вопросы, когда и если окажусь на свидетельском месте. Но вы также должны понимать, что я очень предан вашей клиентке.

– Что вы имеете в виду? – спросил Мейсон.

– Не что, а кого – мисс Челейн.

– Я правильно вас понял: преданность приведет вас к тому, что вы станете защищать ее против обвинения в убийстве? – тихим, почти зловещим тоном спросил Мейсон.

– Нет, – честно ответил Грейвс, – в такой степени нет. Но моей преданности хватит, чтобы постараться не впутывать ее имя в расследование, которое в любом случае будет тщетным в отношении мисс Челейн.

– А под этой фразой что вы имеете в виду? – настаивал

Мейсон.

– Я имею в виду, что, поскольку мисс Челейн не было в доме, когда совершалось преступление, она, естественно, не могла находиться в кабинете своего дяди.

– Значит, вы не видели женщину в кабинете Нортон? – спросил Мейсон.

– Я этого также не говорил, – ответил Грейвс. – Я же сказал: если я видел третье лицо в той комнате, то это была женщина.

– Почему вы заявляете подобное?

– У меня в памяти запечатлелись женский профиль и плечи, которые на какую-то секунду мелькнули в углу окна. Все перепуталось у меня в голове. Конечно, я не могу быть ни в чем уверен, да и внимание мое сконцентрировалось на мужчине с поднятой рукой.

– Еще один вопрос, – обратился к нему Мейсон. – Полицейские стенографировали ваши ответы, когда спрашивали о том, что вы видели?

– Да, – кивнул Грейвс.

– Вы ничего не упомянули о женщине?

– Нет.

– Вы понимаете, что во всем этом есть нечто странное? И вы, и Кринстон намекнули мне, что моя клиентка находится в опасности, хотя, очевидно, ее не было даже рядом с домом, когда произошло убийство.

– Да, ее здесь не было, – подтвердил Грейвс.

– Так почему ей угрожает опасность? – спросил Мейсон.

– Ей не угрожает опасность. Именно это я пытаюсь вам сказать. Я стараюсь защитить ее от каких-либо намеков, которые могут прозвучать, потому что, как вы прекрасно понимаете, у нее был повод для убийства мистера Нортон.

– Очень благородно с вашей стороны, – сухо заметил Мейсон. – Я не хочу, чтобы шли на лжесвидетельство, Грейвс, но вы-то, несомненно, осознаете, что, если вы рассказали версию происшедшего без упоминания женщины, ваши слова застенографированы и, вполне вероятно, будут напечатаны в газетах, а потом, когда вы станете давать показания в суде и вам зададут конкретный вопрос о женщине – видели ли вы какую-нибудь женщину в кабинете, сложилось ли у вас впечатление, что вы видели женщину в кабинете, – ваш ответ, меняющий все предыдущие показания, навряд ли принесет вред моей клиентке. С другой стороны, вам самому он ни в коей мере не пойдет на пользу.

– Я готов пойти на жертвы, чтобы защитить честное имя мисс Челейн, – с достоинством ответил Грейвс.

– А когда вы добавите в свой рассказ женщину, присутствовавшую в кабинете, я разорву вас на части, – зловещим тоном пообещал Мейсон.

– Конечно! – с готовностью воскликнул Грейвс.

– И когда я говорю, что разорву вас на части, я имею в виду, что так просто вы не уйдете с места дачи свидетельских показаний. Я вытащу из вас все, что вы знаете, – добавил

Мейсон.

В этот момент открылась дверь и в оранжерею заглянул следователь. Он уставился на Мейсона, потом перевел взгляд на Грейвса и поманил его.

– Грейвс, мы хотим попросить вас еще раз подняться наверх, – сказал полицейский. – У нас есть еще пара вопросов. Когда вы делали заявление, то уклонились от ответа на один из вопросов. То есть шеф решил, что вы уклонились, после того, как он прочитал расшифровку вашего заявления, которое мы стенографировали.

В глазах секретаря внезапно появился страх.

– Вы не против того, чтобы ответить на дополнительные вопросы? – обратился к Грейвсу следователь.

– Конечно нет, – ответил тот и вышел из оранжереи.

Когда закрылась дверь, Мейсон достал из кармана сложенный лист бумаги, развернул его и начал внимательно изучать. Это была долговая расписка Фрэнсис Челейн, в которой она обязалась уплатить Мейсону сорок тысяч долларов.

Глава 8

В дверь оранжереи проскользнула женщина и уставилась на адвоката. Она следила за каждым его движением, когда он, по своей привычке, ходил из угла в угол.

В ней чувствовалось напряжение, она вся сконцентрировалась, словно режиссер, пытающийся определить сильные и слабые стороны новой звезды экрана. Женщина была невысокого роста, коренастая, но не полная, с широкой костью, необычайно сильная, привычная к любой работе, уверенная в себе, в глазах горели жадность и жизненная сила. Черты лица казались довольно грубыми: круглый тяжелый подбородок, раздутые ноздри, большой рот, окруженный морщинами, губы, вытянутые в ровную линию, высокий лоб, все замечательные глаза, светившиеся словно огромные черные бусины.

Перри Мейсон продолжал ходить из угла в угол еще несколько секунд, пока не почувствовал ее присутствия. Он повернулся и резко остановился, когда женская фигура попала в поле его зрения.

Адвокат осмотрел ее с головы до пят спокойным, уверенным взглядом, не упускавшим ни одной детали.

– Вы – адвокат, – заявила она.

– Да, я – Перри Мейсон.

– Я хочу кое-что с вами обсудить.

– Кто вы?

– Миссис Мейфилд.

– Мне ваше имя ничего не говорит, миссис Мейфилд. Не могли бы вы представиться более подробно?

– Я живу здесь.

– В самом деле?

– Да, сэръ. Мой муж и я.

Мейсон посмотрел на широкие плечи, сильные руки, черное облегающее платье.

– Вы – экономка? – спросил он.

– Да.

– А ваш муж?

– Садовник. Он также выполняет разные работы по дому.

– Понятно, – без улыбки сказал адвокат. – А что вы хотите со мной обсудить?

Она сделала три шага по направлению к нему и ответила почти шепотом:

– Деньги.

Что-то в тоне ее голоса заставило адвоката взглянуть через ее плечо на дверь, ведущую из оранжереи. Он взял миссис Мейфилд под руку и отвел в дальний угол помещения.

– А какие конкретно деньги вы желаете со мною обсуждать?

Женщина заговорила тихим голосом:

– Вы – адвокат. Вы работаете не за спасибо. Вы представляете мисс Челейн. Ее ждет огромное наследство, а когда оно

ей достанется, то и вам перепадет лакомый кусок. Я тоже собираюсь получить кое-какие деньги. Кое-что от вас и кое-что от нее.

– А почему вы думаете, что получите их от нее и от меня?

– Потому что если их не получу я, то и вам ничего не достанется.

– Что вы хотите сказать?

– Именно то, что говорю. Если вы думаете меня обделить, то у вас ничего не выйдет.

Мейсон засмеялся, но это был не живой, а чисто механический смех.

– В самом деле, миссис Мейфилд, вам придется объясниться. Сегодня вечером произошло столько событий! Я здесь оказался по просьбе мисс Челейн. Я точно пока не знаю, в чем конкретно будут заключаться мои обязанности, но предполагаю, что займусь вопросами имущества. Я не могу с уверенностью сказать, оставил ли покойный завещание или нет.

– Это не имеет значения, – прервала его женщина. – Я говорю не об имуществе Нортон. Меня интересуют деньги из траст-фонда.

Мейсон притворился удивленным, но его глаза внимательно следили за миссис Мейфилд.

– Но этот вопрос был закрыт, когда приняли решение о распределении имущества Карла Челейна. Мисс Челейн не требуется адвокат, чтобы получить те деньги. Они перейдут

к ней по решению суда в соответствии с условиями учреждения траст-фонда.

– Вы меня так просто не обманете, – заявила миссис Мейфилд.

– К чему вы клоните?

– Я ставлю вас в известность о том, что если она не будет действовать осторожно, то вообще ничего не получит.

– Вы, как я понимаю, намекаете на то, что можете помочь ей быть осторожной? – спросил Мейсон.

– Я не знаю, к чему *вы* сейчас клоните, но вы поняли, чего я добиваюсь. – Она ухмыльнулась, положила руки на широкие бедра, подняла кверху подбородок и, не мигая, уставилась в лицо адвокату.

– Не могли бы вы все объяснить подробнее? – попросил Мейсон.

– Девушка замужем, – сообщила миссис Мейфилд.

– В самом деле?

– Да. Это что-нибудь значит?

– Теперь нет, – ответил Мейсон. – Насколько я понимаю положения завещания, мистер Нортон имел право аннулировать траст-фонд в случае замужества мисс Челейн, предоставив ей небольшую сумму денег и передав остаток в благотворительные учреждения. Он мог действовать на свое усмотрение. Он умер, не воспользовавшись этим правом. Поэтому управление имуществом, осуществляемое доверенным лицом, закончилось.

– Не будьте так уверены, что он ничего не сделал с этим траст-фондом, – заметила экономка.

– А он что-то сделал?

– Предположим, – начала женщина, не отвечая прямо на вопрос адвоката, – Фрэн Челейн очень здорово поругалась с дядей после вашего ухода. И, предположим, он тогда заявил ей, что даст пять тысяч долларов из оставленных ей отцом, а остальное переведет в благотворительные организации.

– Он это заявил?

– Я спрашиваю, что было бы, если бы он это сделал?

– Но доказательства подобных заявлений отсутствуют, – заметил Мейсон.

– Сейчас отсутствуют.

– Что конкретно вы имеете в виду? – спросил адвокат.

– Предположим, такие доказательства есть!

– Мы займемся решением этой проблемы, когда она встанет перед нами.

– Ну тогда, если вы не желаете договориться со мной, она точно встанет! – рявкнула экономка.

– Это маловероятно. Миссис Мейфилд, если вы намекаете на что-то в отношении мисс Челейн, вам придется подкреплять эти намеки доказательствами, а они в данном случае указывают на то, что мисс Челейн покинула дом до одиннадцати вечера, а вернулась только в начале первого.

– Да, на это указывают доказательства, и вам следует проследить, чтобы они не изменились.

– Я все равно не понимаю вас, – сказал Мейсон.

– Поймете, когда заставите Фрэн открыть вам всю правду, а не пускать пыль в глаза. Я не позволю вам обдурить меня здесь вашей юридической терминологией. Я заявила вам, чего хочу, но я достаточно умна, чтобы не начать угрожать вам.

– Другими словами, вы хотите денег.

– Да.

– Прекрасно. Насколько я понимаю, денег хотят все.

– Вы отлично знаете, что я имею в виду, но, если вам нужны дополнительные доказательства, вам следует поинтересоваться, чем во время убийства занимался Роб Глиасон.

– Глиасон? – Мейсон в удивлении приподнял брови. – Да его же не было тогда в доме.

– Это вы так думаете.

– Он находился здесь?

– Спросите у вашей клиентки, – посоветовала экономка.

Мейсон внезапно повернулся, широко расставил ноги и устоялся на миссис Мейфилд.

– Послушайте, моя дорогая, – сказал он тоном, в котором обычно выступал в зале суда, – не знаю, приходило ли вам когда-нибудь в голову, что вы можете оказаться виновной в совершении тяжкого преступления. Если вы пытаетесь угрожать мне или мисс Челейн, делая разные намеки, чтобы мы заплатили вам, вы виновны в вымогательстве, а в деле об убийстве вымогательство считается очень серьезным

преступлением.

Черные бусинки глаз враждебно уставились на адвоката. Они просто горели ненавистью.

– Вы меня совсем не испугали, – сообщила она.

– А мне бы хотелось заявить вам, что *вы меня* тоже ни в малейшей степени не испугали, – ответил адвокат.

– Я не пытаюсь запугать вас – пока, – ответила она. – Я просто сообщила вам кое-какие факты.

– Какие?

– То, что я собираюсь получить деньги. В противном случае их никто не получит.

– Никто?

– Ни вы, ни девушка.

– Это было бы очень неприятно, – бесстрастным тоном ответил Мейсон.

– Правда? А если вы не разберетесь, с какой стороны бутерброд намазан маслом, я, не исключено, найду еще кого-то, кто с готовностью мне заплатит. Например, кое-какие благотворительные учреждения.

– В самом деле? Я что-то вас не понимаю. Не могли бы вы поточнее объяснить, к чему вы клоните? – попросил Мейсон.

– Я слишком сложна для вас, господин адвокат. Занимайтесь своим собственным расследованием. Не думайте, что имеете дело с глупой женщиной. Очень плохо, если вы меня недооцените. Поговорите с Фрэн Челейн, а потом можете вернуться к разговору со мной.

– Я уже говорил с мисс Челейн, – ответил Мейсон.

Смех, прозвучавший в ответ, был неприятным и язвительным.

– Нет, вы не говорили с ней, вы слушали ее. Фрэнсис Челейн – самая искусная маленькая лгунья в мире. Не слушайте ее. *Говорите* с ней. Выведите ее из себя, и *тогда* вы, несомненно, узнаете массу интересного.

Женщина повернулась и вышла из оранжереи быстрыми, резкими шагами, энергия в ней била через край.

Мейсон следил за широкой спиной все замечающими глазами, подернутыми пеленой задумчивости, пока она не скрылась из его поля зрения.

Адвокат продолжал стоять на том же месте, когда в оранжерею зашел мужчина с копной седых волос и пронизательными серыми глазами. У него был серьезный, достойный вид, неторопливая походка и спокойное лицо.

Мейсон сделал в его сторону легкий поклон.

– Господин судья, мне приходилось выступать перед вами, – в качестве приветствия сказал адвокат.

– Перри Мейсон, насколько я понимаю. Добрый вечер, мистер Мейсон, – поздоровался судья Пурлей.

– Я думаю, уже следует говорить «доброе утро», – заметил адвокат. – Скоро начнет светать.

Судья Пурлей нахмурился.

– А я торопился домой. Очень устал, – признался он.

– Полиция уже закончила? – поинтересовался Мейсон.

– По-моему, да. Они поймали того, кто это сделал.

– Того парня, Девоз?

– Да, его. Он все здорово смазал, если хотите знать мое мнение.

– Я еще не слышал всех подробностей, – постарался пригласить судью рассказать его версию событий Мейсон.

Судья Пурлей выбрал одно из кресел, сел, вытянул ноги, устало вздохнул и достал сигару из кармана жилетки.

Он осторожно откусил кончик, понюхал и пробормотал:

– Простите, мистер Мейсон, но это моя последняя, и я просто не могу себе в ней отказать.

– Не беспокойтесь. Я курю только сигареты, – ответил Мейсон.

– Убийцу, конечно, смутило то, что мы повернули и сразу же поехали обратно в дом, – ровным голосом рассудительно начал судья. – Он рассчитывал, что у него будет где-то полчаса, чтобы замаскировать преступление. Услышав, что мы возвращаемся, он понял, что ему остается единственный план действий: забраться в кровать и притвориться в стельку пьяным. От него, конечно, здорово разило виски, и он очень правдоподобно имитировал состояние опьянения. Фактически, возможно, он на самом деле залпом выпил сколько-то виски, чтобы опьянеть. За короткое время в общем-то можно выпить немало этого напитка.

– Да, если есть что пить, – улыбнулся Мейсон.

Судья не увидел в замечании ничего смешного. Он оце-

ниваяще посмотрел на Мейсона.

– У него было что пить, и в достатке.

– Если не ошибаюсь, он работает здесь шофером? – спросил адвокат.

– Да.

– А он разве никуда не собирался? Нортон же велел ему завести одну из машин и отправиться по поручению?

– Если я все правильно понял, – сказал судья, – то произошло следующее: Нортон хотел, чтобы его секретарь забрал в доме мистера Кринстона какие-то бумаги, а шоферу требовалось потом заехать за секретарем.

Мейсон внимательно посмотрел на судью:

– Давайте попробуем разобраться, как все произошло. Нортон попросил у вас разрешения отправить Грейвса в вашей машине, не так ли?

– Да. Нортон обратился не ко мне, а к мистеру Кринстону. Я, конечно, слышал его просьбу, сидя в машине. Он крикнул из окна.

– Давайте воспроизведем ход событий начиная с того момента, – предложил Мейсон. – Грейвс спустился вниз, чтобы присоединиться к вам двоим. Разумно предположить, что затем Нортон позвал шофера. Возможно, он просто велел ему подняться в кабинет. На это ушла бы минута-две.

– Правильно, – устало согласился судья. – Но, простите, господин адвокат, я не думаю, что мы что-нибудь выясним, воспроизводя таким образом ход событий.

– Я просто пытаюсь уточнить, сколько у них было времени, чтобы поссориться.

– Что вы имеете в виду? – внезапно заинтересовался судья Пурлей.

– Если преступление было совершено к тому моменту, когда вы оказались на возвышенности, и если за это время Нортон вызвал шофера и произошла ссора, то она в таком случае была не мгновенной, а давнишней, – высказал свое мнение Мейсон.

– Совсем необязательно. Ссора могла начаться прямо в кабинете. Фактически разумно ли предполагать, что Нортон оставил бы Девое у себя, если бы у них были какие-нибудь нелады?

У Мейсона заблестели глаза.

– В таком случае вы должны согласиться, что возможности на долгое обдумывание не было.

Судья Пурлей в удивлении посмотрел на адвоката:

– К чему вы клоните?

– Ни к чему, – ничего не выражающим тоном ответил Мейсон.

– С точки зрения закона, – сообщил судья Пурлей таким тоном, словно выносил приговор, – для предумышления не требуется никакого отрезка времени. Мгновенное предумышление – это все, что нужно для того, чтобы считать преступление убийством первой степени.

– А теперь давайте посмотрим на дело под другим углом.

Насколько я понимаю, одно из окон было открыто, и под ним обнаружили следы, не так ли? – продолжал Мейсон. – Это означает, что в дом проник вор-взломщик.

– Все это было подстроено, – сообщил судья Пурлей. – Полиция уже разобралась с этим вопросом.

– Вот именно. Но ведь для того, чтобы подготовить улики, требовалось время. Я хочу сказать, что нет доказательств, указывающих, когда следы появились под окном – до совершения убийства или после. Полиция склоняется к теории, что после. Но ведь нельзя исключать возможность, что они оказались там до убийства.

Судья Пурлей наблюдал за адвокатом сквозь голубой сигарный дым. Он в задумчивости нахмурил лоб.

– В таком случае не имеет значения тот факт, что Нортон послал за шофером, – сделал вывод судья. – Шофер уже дожидался нашего отъезда, чтобы войти к Нортону в кабинет.

– Теперь вы начинаете улавливать суть дела, – заметил Перри Мейсон.

Судья Пурлей уставился на кончик сигары.

– Вы были в комнате, где произошло убийство? – тихим голосом спросил адвокат.

– Да. Они позволили мне осмотреть ее.

– Тогда, если я могу вас об этом спросить, не заметили ли вы чего-нибудь необычного? – поинтересовался Мейсон.

По судье Пурлею было заметно, что вопрос принес ему огромное удовлетворение. Он откинулся в кресле и загово-

рил медленно, отчетливо произнося каждое слово, периодически жестикулируя сигарой:

– Удар по голове нанесли сзади – очевидно, когда Нортон сидел за письменным столом. Он упал вперед, лицом на стол и не сделал после этого ни единого движения. Слева от него стоял телефон. На письменном столе были разбросаны какие-то бумаги, лежали конверт, чистый лист и страховой полис на украденную машину.

– Значит, пропавшая машина была застрахована?

– Конечно. Это естественно.

– Вы уверены, что это страховой полис на украденную машину?

– Да, я его проверил, впрочем, и полиция сделала то же самое. Полис на «бьюик», заводской номер совпал. Страховка охватывала все случаи.

– Вы знали Эдварда Нортон при жизни, господин судья? – поинтересовался Мейсон.

– Нет, никогда его раньше не видел. Я хорошо знаком с мистером Кринстоном, партнером мистера Нортон. Мистер Кринстон столько раз рассказывал мне о нем и его странностях, что у меня даже появилось чувство, что я знаю его лично. Но я его никогда не видел. Сойтись с мистером Нортон, насколько мне известно, было практически невозможно, а деловых отношений между нами не было.

Внезапно Мейсон резко повернулся к судье Пурлею.

– Господин судья, Эдварда Нортон убили не в результате

ссоры, – заявил адвокат.

– Вы снова возвращаетесь к временному фактору? Что времени на ссору не оставалось?

– Частично. Девоэ не успел бы подняться в кабинет, поспориться с Нортонем и довести себя до такого состояния, чтобы схватиться за трость. Более того, подстроенные улики имели цель перевести подозрение на воров-взломщиков, убивших с целью кражи.

Судья Пурлей неуютно заерзал в кресле. В нем шла внутренняя борьба: поделиться с Мейсоном информацией или воздержаться. Адвокат следил за ним, словно ястреб, который кружит над склоном горы в поисках добычи.

– Я должен сказать, господин адвокат, – наконец заговорил судья Пурлей, – что вы очень логично рассуждаете. Мне, наверное, не следует упоминать то, что я сейчас вам открою, но, поскольку вы уже так много знаете, вреда не будет, если я подтвержу ваши подозрения или, лучше сказать, ваши умозаключения.

– Значит, мотивом была кража?

– Да, – кивнул судья.

– Деньги?

– Очень крупная сумма. У мистера Нортоня при себе на момент смерти было более сорока тысяч долларов наличными. Деньги лежали в бумажнике во внутреннем кармане пиджака. Когда тело обнаружили, карманы оказались вывернутыми, а бумажник вынут из кармана и брошен на пол рядом

с телом – пустой, конечно.

– Залезли во все карманы?

– Да. Их все вывернули наизнанку, – ответил судья Пурлей.

– Полиция нашла деньги?

– Эта информация будет объявлена несколько позднее, – заявил судья. – Но я могу вам строго конфиденциально сообщить, что да. Две тысячедолларовые купюры оказались в кармане брюк Девоз. Их идентифицировали по номерам как деньги, находившиеся у Нортон. Девоз же заявил, что понятия не имеет, как они попали к нему.

– А выяснили, почему у Нортон при себе была такая большая сумма наличными? – спросил Мейсон.

Судья Пурлей хотел было ответить, но остановился:

– Мне кажется, господин адвокат, что я и так уже предоставил вам массу информации. Конечно, ваша заинтересованность в деле хотя и не противоречит интересам полиции, но все же не идентична. Большая часть информации была предоставлена мне конфиденциально, как судье, и я не считаю, что мне следует открывать ее кому бы то ни было.

В глазах адвоката промелькнул веселый огонек, когда он рассматривал грузного судью. Судья Пурлей отличался высоким самомнением.

– Конечно, господин судья, я понимаю ваше положение. Я не хочу, чтобы вы считали, что мной руководит простое любопытство. Я пытаюсь воспроизвести все происшедшее у

себя в голове. Заинтересованные стороны поставили меня в известность о том, что я буду заниматься вопросами имущества, а при сложившихся обстоятельствах мне, естественно, требуется полная информация.

– Именно поэтому я рассказал вам так много, господин адвокат. Вы, конечно, отнесетесь к полученным сведениям как к строго конфиденциальным.

– Несомненно! – ответил Мейсон, и в голосе его прозвучала легкая издевка, что заставило судью Пурлея быстро поднять на него глаза. Однако лицо адвоката оставалось ничего не выражающим и невинным.

Глава 9

Солнечные лучи проникали сквозь большое окно и заливали массивный стол Эдварда Нортона.

В одном из кресел сидел полицейский, изо рта у него торчала потухшая сигарета, в руках он держал карандаш и блокнот. Дон Грейвс, компетентный секретарь усопшего, проверял документы.

Мебель в комнате оставалась на тех же местах, что и в ночь убийства. По приказу полиции вещи по возможности старались не двигать и не перекладывать с места на место.

Перри Мейсон, адвокат, представляющий заинтересованную сторону, занимался инспектированием деловой активности убитого.

Стоявший у сейфа Дон Грейвс повернулся к Мейсону:

– Этот отсек, сэр, содержит всю документацию, относящуюся к делам фирмы «Кринстон и Нортон».

– Прекрасно. Вы, насколько я понимаю, отлично осведомлены насчет содержания этих документов, не так ли?

– Да, сэр.

– Не могли бы вы в общем и целом рассказать о финансовом положении фирмы? – попросил Мейсон.

– Было сделано несколько очень неудачных инвестиций, сэр, взяты обязательства, в результате которых получился большой дефицит – где-то около миллиона долларов. Но, за

исключением этого, дела находятся в хорошем состоянии. Если не ошибаюсь, примерно восемьсот тысяч долларов депонированы в различных банках. Вам нужны точные цифры?

– Да. Я хочу знать финансовое положение, – ответил Мейсон.

Грейвс достал из сейфа какую-то книгу и открыл ее.

– Финансовое положение несколько лучше, чем я думал, сэр. В «Сиборд секонд нэшэнал траст» лежит восемьсот семьдесят шесть тысяч пятьсот сорок два доллара и тридцать центов, а в «Фармерс энд мерчантс нэшэнал» – двести девяносто три тысячи девятьсот четыре доллара и пятьдесят центов. Долговые расписки, связанные с убытками фирмы, хранятся в банке «Вилерс траст энд сейвингс» – на девятьсот тысяч, к тому же по ним еще набежали проценты. На счет в том банке положено семьдесят пять тысяч долларов.

– А что с траст-фондом? Меня интересует капитал, которым мистер Нортон управлял в пользу Фрэнсис Челейн.

– Здесь все в прекрасном состоянии, – ответил Грейвс. – Более миллиона долларов вложено в акции, облигации и другие ценные бумаги. Вы можете взглянуть на список. Мистер Нортон очень ответственно относился к своим обязанностям доверенного лица и тщательно вел учет вложений.

– Имеются ли какие-либо обязательства по доверительному счету? – спросил Мейсон.

– Нет, сэр. Ни доллара задолженности. Это нетто-активы.

– Вы можете что-то сказать по личному счету мистера Нортон – за рамками фирмы «Кринстон и Нортон»?

– К сожалению, нет, – ответил секретарь. – Личные дела мистера Нортон находились в таком состоянии, что бухгалтерского учета не требовалось. Большую часть информации он держал в голове. Фактически все коммерческие сделки проходили через фирму. Личные дела мистера Нортон ограничивались покупкой акций и облигаций с золотым обреза¹, которые он хранил в сейфе в банке.

– А завещание имеется?

– Да, сэр. Я, правда, не знаю, где оно. Наверное, где-то здесь, в сейфе. Насколько я понимаю, все оставлено мисс Челейн. У мистера Нортон не было других близких родственников.

Из угла комнаты послышался голос полицейского, вынужденного сигарету изо рта:

– Повезло этой мисс Челейн. Траст-фонд, безусловно, переходит к ней, а вдобавок еще и куча денег от самого старика.

Мейсон вновь обратился к Грейвсу, словно не слышал комментария полицейского:

– Вы можете попытаться найти завещание?

– Большинство его личных бумаг хранятся в том отделении, – показал Грейвс.

¹ *Ценные бумаги с золотым обреза* – первоклассные, особо надежные, высшего качества.

Мейсон подошел к сейфу, опустил руку и достал кипу бумаг.

– Полис страхования жизни в компании «Пруденшал», – начал читать он. – На пятьсот тысяч долларов. Бенефициаром является имущество.

– Да, сэр. Здесь несколько полисов страхования жизни. Везде бенефициаром является имущество усопшего, и деньги должны выплачиваться наличными. Полисы были составлены именно таким образом, чтобы заплатить налог на наследство без продажи ценных бумаг не по самой высокой цене.

– Прекрасная идея, – заметил Мейсон. – Вот еще полисы. Пожалуйста, составьте список.

Мейсон достал из-под полисов небольшую записную книжку с картонной обложкой.

– Что это? – спросил полицейский.

Мейсон повертел ее в руках:

– Похоже, что в ней регистрировали количество миль прогона автомобиля.

Дон Грейвс расхохотался:

– Да, это была одна из странностей мистера Нортон. Он всегда требовал, чтобы встречи начинались в назначенное время, все его часы шли с точностью до секунды, он записывал каждую милю, пройденную его автомобилем, учитывал количество использованного бензина и масла. Я думаю, можно с точностью до цента сказать, во сколько ему обходи-

лась каждая из машин.

– А много ли их у него было? – поинтересовался Мейсон, небрежно листая страницы.

– Три: «бьюик», «форд» и «паккард».

– Мисс Челейн обычно пользовалась «паккардом»?

– Да. И по нему учет не велся, – сообщил Грейвс. – Мистер Нортон просто приходил из-за этого в отчаяние. Она никогда не отмечала количество миль.

– Понятно. Но по остальным в эту книжечку записаны точные цифры?

– Да.

– Мисс Челейн обычно не брала две другие машины?

Дон Грейвс многозначительно посмотрел на Мейсона.

– Нет, – кратко ответил он.

Мейсон открыл записную книжку в том месте, где велся учет данных по «бьюику». В одну колонку были записаны мили пробега, против каждой записи указывались дорога, по которой ехала машина, средняя скорость, место назначения, а также еще несколько видов данных, которые любому нормальному человеку показались бы бесполезными, но для зафиксированного на подсчете стоимости до цента могли играть какую-то, пусть самую незначительную, роль. Мейсон листал страницы со скучающим видом, чтобы не показать окружающим своего интереса. Наконец он добрался до последней записи, посвященной «бьюику». Она гласила:

«15294,3 мили. Поехал из дома в банк. Прибыл в банк:

15299,5 мили. Уехал из банка и вернулся домой: 15304,7 мили. Приказал Девое наполнить бак».

Мейсон взглянул на дату и увидел, что это был день смерти Нортон.

– Как я вижу, он в день смерти ездил в банк, – заметил адвокат.

– В самом деле? – спросил Дон Грейвс.

– Интересно, а он именно тогда получил деньги... я имею в виду наличные, которые были при нем?

– Не могу вам сказать, сэр.

– А кто-нибудь знает, почему у него при себе было столько наличных? – поинтересовался адвокат.

– Нет, – категорично ответил Грейвс.

– Выглядит так, словно его шантажировали или что-то в этом роде, – заметил Мейсон, поглядывая своими спокойными глазами из-под густых бровей на секретаря.

Дон Грейвс встретился с ним взглядом, не изменив выражения лица и даже ни разу не моргнув.

– Это маловероятно, сэр.

Мейсон кивнул и опустил записную книжку в карман.

– Секундочку! – закричал полицейский. – А эту книжку разве не следует оставить вместе с другими бумагами?

Адвокат улыбнулся.

– Все правильно, – согласился он. – Она так похожа на мою собственную, что я механически положил ее в карман.

Мейсон протянул записную книжку секретарю, встал и

зевнул.

– Пожалуй, я уже посмотрел все, что хотел. Для начала этого достаточно. Конечно, в дальнейшем придется провести полную инвентаризацию.

– Мы можем это сделать прямо сейчас, если хотите, – предложил Грейвс.

– Не думаю, – возразил Мейсон, зевая. – Придется проверять массу деталей, и, возможно, я решу привести свою стенографистку, чтобы она записывала то, что я скажу. Честно говоря, терпеть не могу подобную работу.

– А что делать с завещанием? Мне его искать? – уточнил Грейвс.

– Давайте на сегодня заканчивать. Завтра я приду вместе со своей секретаршей, и мы все проверим, – ответил адвокат.

– Хорошо, сэр. Как вам будет угодно, – ответил Грейвс.

Полицейский стряхнул пепел с сигареты и сообщил:

– Меня устраивает любое время. Мне все равно здесь сидеть.

– Прекрасно. – В голосе Мейсона не было никакого энтузиазма. Он прикурил сигарету и вышел из кабинета.

Адвокат спустился вниз по широкой лестнице, открыл входную дверь и остановился на крыльце в лучах солнечного света, вдыхая свежий утренний воздух. Когда он убедился в том, что за ним никто не следит, он спустился с крыльца и направился к гаражу, открыл дверь, проскользнул внутрь и подошел к «бьюику». Очевидно, что за состоянием маши-

ны хорошо следили. Она была вымыта шофером, который теперь находился в тюрьме по обвинению в убийстве.

Мейсон открыл дверцу машины, сел за руль, включил свет на приборной доске и взглянул на спидометр. Он показывал 15304,7 мили. Адвокат с минуту, не отрываясь, смотрел на эти цифры, затем выключил свет, вылез из машины и плотно захлопнул дверцу. Он вышел из гаража, проверил, не заметил ли кто его, а затем вернулся на крыльцо.

Войдя в дом, он столкнулся с экономкой. Ее горевшие глаза неотрывно смотрели на адвоката.

– Доброе утро, – поздоровалась женщина.

– Доброе утро, – ответил Мейсон.

Она слегка понизила голос:

– Я хочу получить ответ, причем как можно скорее.

– Вы получите его, – сказал Мейсон. – Кстати, а где мисс Челейн? Уже встала?

– Да, сэр, встала. Завтракает у себя в комнате.

– Пожалуйста, передайте ей от меня привет и спросите, могу ли я к ней сейчас зайти.

Горящие глаза экономки уставились на адвоката, пытаясь прочесть его мысли. Перри Мейсон встретил ее взгляд и всем своим видом показал нетерпение.

– Сейчас узнаю, – сказала миссис Мейфилд.

Она повернулась и быстрым, воинственным шагом направилась к спальне Фрэн Челейн.

Мейсон твердой рукой зажег спичку, прикурил, один раз

глубоко затянулся и стал изучать дым, идущий от кончика сигареты. Вскоре он услышал приближающиеся шаги экономки.

– Мисс Челейн говорит, что готова слушать всех, пока завтракает. Следуйте за мной, пожалуйста.

Адвокат прошел за миссис Мейфилд по коридору до двери спальни Фрэн. Экономка открыла дверь.

– Это здесь, сэр. Проходите. – Она помедлила, а потом добавила почти шепотом: – И не забудьте, я жду ответа.

Мейсон вошел и услышал, как за ним с грохотом захлопнулась дверь.

Фрэнсис Челейн сидела в шелковом пеньюаре в мягком кресле, поджав под себя ноги. На маленьком столике сбоку от кресла стоял поднос с пустыми тарелками. Огромный кофейник был отодвинут к краю подноса, а чашка кофе, от которой шел пар, стояла у кончиков пальцев ее правой руки. В левой руке девушка держала сигарету.

Темные глаза, которые ничего не выражали, оглядели адвоката. Ее щеки были слегка припудрены, но помадой в это утро она не пользовалась. Пеньюар явно выбирался для красоты, а не для тепла.

– Доброе утро, – поздоровался Мейсон, бегло скользнув глазами по пеньюару. – Вам удалось заснуть?

– Когда я наконец добралась до кровати, я сразу же отключилась, – ответила Фрэн Челейн.

Девушка стряхнула пепел сигареты на краешек блюдца, на

котором стояла чашка с кофе. Мейсон подошел к столику и тоже стряхнул пепел в блюдце.

– Предполагаю, что вы хотите денег, – сказала Фрэн.

– Почему вы спрашиваете? – решил выяснить Мейсон.

– Насколько я знаю, адвокаты всегда хотят денег.

Он сделал нетерпеливый жест рукой и ответил:

– Я не это имел в виду. Почему вы выбрали именно это время, чтобы поднять финансовый вопрос?

– Потому что у меня есть чем заплатить вам.

Взгляд Мейсона сделался холодным и осторожным.

– Чек? – уточнил он.

– Нет, – ответила Фрэн Челейн. – Наличные. Будьте добры, передайте мне сумочку. Она вон там, на туалетном столике.

Мейсон протянул руку за сумочкой и передал ее девушке. Держа ее таким образом, что адвокат не мог заглянуть внутрь, она открыла ее, порылась там и достала пачку наличных.

– Это ваш предварительный гонорар.

Он взял деньги – хрустящие, новенькие тысячедолларовые купюры, – сложил их и опустил в карман.

– Где вы их взяли?

– Это вас не касается, – отрезала она, сверкнув глазами. – Вы адвокат, которому платят, чтобы он защищал клиента, а не для того, чтобы совал нос в личные дела.

Мейсон стоял, широко расставив ноги, и, улыбаясь, на-

блюдал за рассерженной девушкой.

– В один прекрасный день из-за вашего характера у вас могут возникнуть большие неприятности, – заметил он.

– Вы так считаете? – вспыхнула она.

– Я знаю. Вы вышли на тонкий лед. Вам следует научиться сдерживать себя и сохранять трезвую голову.

– Что вы там говорите про тонкий лед?

– Я имею в виду причину, по которой вас не стали подробно расспрашивать вчера вечером, точнее, сегодня утром.

– Какую еще причину?

– Тот факт, что вы вчера взяли «бьюик» без разрешения дяди и, если я правильно помню ваш рассказ, гоняли по округе, пытаясь успокоиться.

– Я всегда так делаю, – ее голос внезапно стал осторожным, – после того, как разозлюсь. Таким образом я прихожу в норму.

Он продолжал ей улыбаться:

– Вы знаете, как далеко вы отъехали?

– Нет. Я каталась где-то с час. Причем на довольно высокой скорости. Я практически всегда так езжу.

– Как жаль, что спидометр был отключен, – заметил адвокат.

Она уставилась на него широко открытыми темными глазами.

– Вы это о чем? – медленно произнесла она.

– В записной книжке вашего дяди учитывалась каждая

миля, пройденная «бьюиком».

– В самом деле? – спросила она.

– Да, – сухо сказал Мейсон. – Он отметил, что ездил в банк. Когда он брал машину, спидометр показывал пятнадцать тысяч двести девяносто четыре и три десятых мили, а по прибытии домой – пятнадцать тысяч триста четыре и семь десятых мили.

– Ну и что?

– Когда я ходил посмотреть на показания спидометра сегодня утром, там стояли цифры пятнадцать тысяч триста четыре и семь десятых мили.

В темных глазах девушки появилась паника. Ее лицо внезапно побелело. Она попыталась поставить чашку с кофе на блюде, но пронесла мимо. Чашка какое-то мгновение покачалась на краю подноса, а потом упала, разлив остатки кофе на ковер.

– Вы об этом не подумали, не так ли? – спросил Мейсон.

Она продолжала молча смотреть на него с побледневшим лицом и бескровными губами.

– А теперь, – вкрадчивым тоном продолжал Мейсон, – может, вы позволите повторить мой вопрос? Где вы взяли деньги, которые только что мне вручили?

– У моего дяди, – медленно ответила она.

– Перед самой его смертью?

– Перед самой его смертью.

– *Перед* смертью? – многозначительно переспросил адво-

кат.

Значение слова, на котором Мейсон сделал ударение, внезапно осенило ее.

– Вы не думаете...

Послышался стук в дверь. Вошла экономка и уставилась на них.

– Мне показалось, что что-то упало, – заявила она.

Девушка показала на чашку на полу.

– У вас замечательный слух, – многозначительно сказал Мейсон.

Миссис Мейфилд с вызовом встретила его взгляд. Ее глаза горели.

– Да, мне достались хорошие уши, и я их использую.

– Для того, чтобы подслушивать под дверь? – спросил адвокат.

– Хватит, мистер Мейсон, – прервала его Фрэн Челейн. – Я думаю, что сама в состоянии призвать к порядку прислугу, когда это требуется.

Экономка нагнулась, подняла чашку, поставила на поднос, повернулась спиной к адвокату и обратилась к Фрэнсис Челейн:

– Мне принести еще чашку с блюдцем?

– Да. И наполните кофейник горячим кофе.

Экономка взяла поднос и вышла из комнаты.

– Если я буду вести это дело, – заявил Мейсон резким тоном, – то я не хочу, чтобы вы вмешивались. Эта женщина

следит за нами. Сегодня утром она пыталась меня шантажировать.

Казалось, слова адвоката мало заинтересовали девушку.

– В самом деле? – спросила она с отсутствующим видом.

Мейсон стоял, уставившись на нее сверху вниз.

– В самом деле. И я все еще жду объяснений, почему ваша скоростная прогулка на «бьюике» не зарегистрировалась на спидометре.

Фрэнсис прыгнула с кресла и, полностью игнорируя присутствие адвоката, стала сбрасывать одежду со своего стройного тела.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Собираюсь одеться и накатать какое-то количество миль на этом «бьюике», идиот.

– А вы не намерены сказать мне, где находились вчера вечером во время убийства?

Девушка скинула с себя пеньюар и начала одеваться.

– Не стройте из себя дурака.

– Я окажу вам бóльшую помощь, если буду знать все факты.

Она покачала головой.

– Уходите, – сказала девушка.

Мейсон с достоинством повернулся к выходу.

– Хорошо, – ответил он и распахнул дверь.

На пороге стояла экономка и смотрела на него недоброжелательным горящим взглядом. В уголках ее рта играла яз-

вительная победная улыбка. В одной руке она держала чашку с блюдцем, в другой – полный кофейник.

– Спасибо, сэ, за то, что открыли дверь, – сказала она, проходя в комнату.

Глава 10

Джордж Блэкман пытался произвести впечатление. Он зачесывал волосы назад с высокого лба, был громогласным, носил пенсне на широкой черной ленте. Его можно было принять за конгрессмена или банкира, но на самом деле он был адвокатом по уголовным делам. Картинку солидности, интеллигентности и респектабельности, которую он представлял общественности, нарушала только иногда мелькающая неуверенность во взгляде.

Он через стол смотрел на Перри Мейсона.

– Насколько я понимаю, вы выступаете адвокатом от семьи, – сказал Блэкман.

Взгляд Мейсона был тяжелым и спокойным.

– Я представляю мисс Челейн при аннуляции управления капиталом, оставленным ей отцом, осуществлявшегося доверенным лицом. Я также представляю Артура Кринстона, как здравствующего члена фирмы «Кринстон и Нортон». Разговор шел еще о том, чтобы мне представлять и исполнителя завещания, но я не могу одновременно представлять и здравствующего партнера, и исполнителя завещания.

Блэкман улыбнулся, и в его улыбке промелькнула доля зависти.

– Хорошо вам. Такие гонорары грядут.

– Что вы хотите со мной обсудить? – холодно спросил

Мейсон.

Выражение лица Блэкмана изменилось.

– Я пришел сообщить вам, что представляю Питера Девоэ, шофера, который обвиняется в убийстве.

– Версия обоснована? – небрежным тоном спросил Мейсон.

– Вы сами знаете, что это за дело, – поморщился посетитель.

– По правде говоря, не знаю, – ответил Мейсон, принимая беззаботный тон. – Я был настолько занят другими аспектами, что у меня просто не было времени поинтересоваться убийством.

– Чушь! – громогласно заявил Блэкман.

Мейсон достойно изобразил негодование.

Посетитель наклонился вперед и постучал кулаком по столу.

– Послушайте, Мейсон, вы думаете, что хитрее всех. Я хочу, чтобы вы знали, что на этот раз против вас работает не менее хитрый.

– Что все это значит?

– Я хочу сказать, что вам не удастся сидеть, купаясь в деньгах и не впутывая никого из *ваших* клиентов, в то время как вы прокладываете Девоэ путь на виселицу.

– Я никому не прокладываю путь на виселицу.

Блэкман заерзал под холодным взглядом адвоката, сидевшего по другую сторону стола.

– Послушайте, я говорю о фактах, – продолжал Блэкман. – Здесь нас никто не услышит. Мы можем договориться – вы и я. Вы знаете, что это за игра. Вы защищаете лиц, обвиненных в совершенных преступлениях, когда вам за это хорошо платят. Я делаю то же самое. Когда вы представляете определенное лицо, вы защищаете только его и никого больше. Вы готовы вступить в схватку со всем миром, но отстаивать права своих клиентов.

– Естественно, – бесстрастно ответил Мейсон. – Это долг любого адвоката.

– Конечно. Я только хочу поставить вас в известность, что я буду верен *своему* долгу.

– Продолжайте, – предложил Мейсон. – Вы сказали или слишком много, или ничего. Я еще не решил, что именно.

– Хорошо. Я имею в виду следующее. Вы держите эту мисс Челейн в тени и делаете это очень умело. Против Питера Девоз имеются только косвенные улики, да, кстати, и слабоватые улики. Он лежал пьяным на кровати, и *кто угодно* мог подложить трость к нему в комнату, а две тысячи долларов – в карман брюк.

– Вы забываете о показаниях Дона Грейвса, – напомнил Мейсон, – который фактически видел, как совершалось убийство. Вы забываете о том, что, в соответствии с показаниями Кринстона, Эдвард Нортон собирался послать за шофером, когда Кринстон уходил от него.

– Я ни о чем не забываю, – многозначительно ответил Бл-

экман, воинственно глядя на Мейсона. – И, главное, я не забываю, что в деле каким-то образом замешана женщина.

– Правда? – спросил Мейсон с вежливым интересом.

– Да, – кивнул Блэкман. – И не притворяйтесь удивленным. Вы знаете это не хуже меня.

– Что знаю?

– Что Дон Грейвс видел женщину в кабинете в тот момент, когда совершалось преступление.

– Дон Грейвс не сказал ничего подобного в заявлении, которое сделал полиции, – заметил Мейсон.

– Заявление, которое он сделал полиции, не имеет значения, – возразил Блэкман. – Имеет значение то заявление, которое он сделает в суде, когда его вызовут для дачи свидетельских показаний.

Мейсон посмотрел в потолок и сказал ничего не выражающим тоном:

– В случае если его слова в суде будут отличаться от первоначального заявления полиции, то его свидетельские показания не будут иметь должной силы, в частности, в отношении присутствия в кабинете женщины.

– Может быть, может быть.

Какое-то время они молчали, а потом Блэкман снова заговорил:

– Хорошо. Теперь вы знаете мою позицию. Вы контролируете все деньги в этом деле, а я представляю человека, которого сделали козлом отпущения. Я хочу добиться взаимо-

понимания с семьей и кое-что получить. В противном случае я сделаю тайное явным.

– Что вы имеете в виду под взаимопониманием? – спросил Мейсон.

– Я хочу, чтобы члены семьи дали полиции понять, что они не горят желанием мстить, а если Девозэ и совершил преступление, то сделал это в пьяном виде. Их удовлетворит и непредумышленное убийство. А потом мне хочется получить кое-какие деньги.

– Вы имеете в виду, что хотите, чтобы Фрэнсис Челейн заплатила вам за то, что Пит Девозэ признает себя виновным в непредумышленном убийстве, чтобы заглушить скандал? Вы именно это пытаетесь сказать?

Блэкман с достоинством встал:

– Думаю, коллега, что вы прекрасно поняли цель моего визита. Я честно обрисовал свою позицию и не собираюсь отвечать на сделанный вами в грубой форме вывод.

Мейсон отодвинул стул от стола, тоже встал, широко расставив ноги, и горящими от гнева глазами посмотрел на посетителя.

– Не думайте, Блэкман, что вам удастся повернуть подобное, – заявил он. – Мы здесь одни. Вы скажете мне, что хотите, причем прямо и без увиливаний.

– Не притворяйтесь дураком. Вы знаете, что я хочу.

– Что вы хотите?

– Деньги.

– Что вы готовы предоставить взамен?

– Я помогу вам оставить мисс Челейн на заднем плане.

– В такой степени, что Пит Девоз признает себя виновным в непредумышленном убийстве?

– Да.

– Он виновен в непредумышленном убийстве?

– Ну какое, черт побери, это имеет значение! – раздраженно воскликнул Блэкман. – Я же сказал вам, что он признает себя виновным в непредумышленном убийстве.

– Сколько вы хотите?

– Пятьдесят тысяч долларов.

– Это слишком много для гонорара, – заметил Мейсон.

– Но не для работы, которую я собираюсь проделать.

– Работы для Девоз?

– Для Фрэнсис Челейн, если уж вам так нужен ответ.

– Ладно, – сказал Мейсон. – Как вы сами заметили, мы здесь одни. И ничто не сдерживает нас от откровенной беседы. Пит Девоз убил Эдварда Нортон?

– Вам следует это знать, – ответил Блэкман.

– Почему?

– Потому что следует.

– Я не знаю. Я спрашиваю вас.

– Ну почему вас это волнует? Я заставлю его признать себя виновным в непредумышленном убийстве.

– За пятьдесят тысяч долларов?

– За пятьдесят тысяч долларов.

– Вы сошли с ума. Окружной прокурор не примет подобного варианта. Это дело об убийстве. В лучшем случае вам удастся получить тяжкое убийство второй степени.

– Я договорюсь и о непредумышленном убийстве, если только семья окажет содействие, а Грейвс слегка изменит свои показания, – возразил Блэкман.

– А зачем Грейвсу менять показания?

– Зачем кому-то вообще что-либо делать? – саркастически спросил Блэкман. – Зачем мне что-либо делать? Зачем вам что-либо делать? Мы в этом не замешаны. Мы делаем все за деньги. И Дон Грейвс тоже кое-что сделает за деньги.

Мейсон медленной тяжелой походкой пошел вокруг огромного письменного стола к Блэкману. Тот внимательно наблюдал за ним.

– Только скажите, что вы согласны, и я больше не стану вас беспокоить, – заявил Блэкман.

Мейсон остановился прямо перед посетителем и посмотрел на него холодным презрительным взглядом.

– Вы – дерьмо, – сказал Мейсон с чувством.

Блэкман слегка отпрянул назад.

– Вы это о чем?

– О вас.

– Вы не имеете права так со мной разговаривать!

– Грязный крючоктор, – продолжал Мейсон, делая шаг вперед, – который готов продать своего клиента за пятьдесят тысяч долларов. Убирайся из моего кабинета, причем немед-

ленно!

На лице Блэкмана появилось удивление.

– Но я считал, что вы готовы выслушать мое предложение.

– Я выслушал и уже услышал все, что требовалось.

Внезапно Блэкман набрался храбрости и потряс указательным пальцем перед носом Мейсона:

– Вы сами глубоко замешаны в этом деле. Или вам придется принять мое предложение, или вы еще неоднократно услышите обо мне.

Мейсон поднял руку и схватил вытянутый указательный палец. Он вначале резко опустил руку адвоката вниз, а потом выкрутил ее. Блэкман вскрикнул от боли. Мейсон отпустил палец, развернул адвоката, схватил за шиворот и потащил к двери. Мейсон распахнул дверь личного кабинета, толкнул Блэкмана, и тот, потеряв равновесие, свалился в приемную.

– Убирайся вон и больше не появляйся здесь! – заявил Мейсон.

Блэкман почти бегом пересек приемную и остановился. Его лицо покраснело от гнева, пенсне болталось на черной ленточке.

– Ты еще об этом пожалеешь больше, чем о чем-либо, совершенном тобой на протяжении всей жизни!

– Убирайся! – повторил Мейсон медленным бесстрастным голосом. – Или я сейчас еще добавлю.

Блэкман схватился за ручку, открыл дверь приемной и выскочил в коридор.

Мейсон стоял в дверном проеме своего кабинета, расправив плечи, широко расставив ноги, и воинственно смотрел на медленно закрывающуюся дверь.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила Делла Стрит.

– Я сказал этому подонку, что о нем думаю, – ответил Мейсон, не сводя холодного взгляда с двери.

Наконец он развернулся и направился обратно в кабинет. Делла Стрит проводила его круглыми от удивления и полными тревоги глазами.

Когда Мейсон подошел к своему столу, зазвонил телефон. Он поднял трубку и услышал голос Фрэнсис Челейн.

– Мне надо немедленно с вами встретиться, – заявила она.

– Хорошо. Я у себя в кабинете. Вы можете подъехать?

– Да, если вы не в состоянии приехать ко мне.

– Где вы?

– Дома.

– Тогда вам лучше сесть в «бьюик» и мчаться ко мне в офис.

– Я не могу взять «бьюик», – ответила она.

– Почему?

– Полиция его опечатала.

Перри Мейсон тихо присвистнул.

– В таком случае вам следует немедленно брать «паккард». Возьмите чемодан и бросьте туда какие-нибудь вещи, но постарайтесь не привлекать внимания к тому, что делаете.

– Буду у вас через двадцать минут, – ответила она и пове-

сила трубку.

Мейсон надел шляпу и, перед тем как уйти, остановился у стола Деллы Стрит:

– Через двадцать – двадцать пять минут здесь будет мисс Челейн. Я думаю, что вернусь к ее приходу, но если нет, то проводи ее в мой кабинет и запри дверь. Никого не впускай. Ты поняла?

Она с тревогой посмотрела на него и кивнула.

– Что-то не так? – спросила секретарша.

Мейсон резко кивнул в ответ, затем улыбнулся и похлопал ее по плечу.

Он вышел из конторы, спустился на лифте вниз и прошел полтора квартала до «Сиборд секонд нэшэнал траст».

Райбурн, вице-президент банка, оценивающе посмотрел на адвоката и спросил:

– Чем могу быть полезен, мистер Мейсон?

– Я представляю мисс Фрэнсис Челейн, бенефициара по траст-фонду, которым, как доверенное лицо, управлял Эдвард Нортон, – сообщил Мейсон. – Я также представляю мистера Артура Кринстона, здравствующего партнера фирмы «Кринстон и Нортон».

– Я знаю об этом из разговора с мистером Кринстоном сегодня утром, – сообщил мистер Райбурн.

– В день смерти, – продолжал Мейсон, – мистер Нортон ездил из своего дома в банк и обратно. Я хочу выяснить, был ли он в вашем банке или в «Фармерс энд мерчантс нэшэнал»,

где, насколько мне известно, у него тоже имелся счет.

– Он заезжал сюда, – ответил Райбурн. – Зачем вам это?

– Если не ошибаюсь, он приезжал сюда, чтобы получить большую сумму наличными в тысячедолларовых купюрах. Я хочу выяснить, не было ли чего-то странного в просьбе выдать деньги или чего-то необычного в отношении купюр.

– Возможно, – многозначительно ответил банкир, – если вы выскажетесь более определенно, я смогу предоставить вам интересующую вас информацию.

– Мистер Нортон заявил, для какой конкретно цели ему требуются деньги? – спросил адвокат.

– Конкретно нет, – ответил Райбурн с таинственным видом человека, который намерен отвечать только на прямые вопросы.

Мейсон глубоко вздохнул:

– А он заранее просил вас подготовить определенное количество тысячедолларовых купюр с последовательными номерами?

– Да, – ответил вице-президент банка.

– А в дальнейшем он просил вас через ваши связи в других банковских учреждениях обеспечить, чтобы в случае, если эти купюры, номера которых он, естественно, просил вас переписать, будут депонированы в каком-либо банковском учреждении, выяснить, кто их депонирует?

– Не совсем в таких выражениях, – осторожно ответил Райбурн.

– Он заявил, что собирается этими купюрами расплатиться с шантажистом, и ему хотелось бы идентифицировать лицо, которое принесет их, чтобы положить на счет?

– Не совсем в таких выражениях, – опять сказал банкир.

– Теперь, как мне кажется, – улыбнулся Мейсон, – я получил всю интересующую меня информацию. Спасибо, мистер Райбурн.

Адвокат повернулся и вышел из банка, оставив позади банкира, который холодным, задумчивым и расчетливым взглядом смотрел в спину удаляющемуся Мейсону.

Мейсон вернулся в офис и позвал Деллу Стрит к себе в кабинет.

– Свяжись с «Детективным агентством Дрейка», пожалуйста, и скажи Полу, что я хочу, чтобы он лично занялся одним чрезвычайно важным делом. Мне требуется, чтобы Дрейк пришел к нам, изображая обычного посетителя. Он должен ждать в приемной, пока я не дам ему дальнейших указаний, и должен всем представляться клиентом.

Секретарша опять посмотрела на него с тревогой.

– Это все? – спросила она.

– Да, – кивнул адвокат.

– Ты не хочешь, чтобы мисс Челейн знала, кто Пол Дрейк на самом деле?

– Пойми меня правильно: я не хочу, чтобы *кто-либо* знал о том, кто Дрейк на самом деле. Для всех, приходящих к нам в контору, Пол Дрейк – это просто еще один клиент, который

ждет, когда я смогу его принять.

– Хорошо, – сказала Делла Стрит.

Она задержалась в кабинете адвоката еще на несколько секунд, не пытаясь скрывать беспокойство.

Мейсон улыбнулся, пытаясь успокоить ее:

– Не волнуйся. Все будет в порядке.

– Ты опять во что-то впутался?

– Не думаю.

– А мисс Челейн?

– По самую шею.

– Она сама об этом знает?

– Думаю, да.

– Ты не позволишь ей втянуть и себя?

Он медленно покачал головой:

– Нет. Маловероятно. Пока еще не могу сказать.

– А когда сможешь?

– Когда мисс Челейн наконец откроет мне всю правду.

– А когда это случится?

– Когда она испугается больше, чем сейчас.

Делла Стрит нахмурилась, а потом предложила:

– Может, мы сами попробуем ее напугать?

Мейсон улыбнулся и покачал головой.

– Нет, – ответил он. – Я думаю, нам не потребуется этого делать.

Глава 11

Мейсон ходил из угла в угол, по привычке заложив большие пальцы в проймы жилета. Фрэнсис Челейн сидела в большом кожаном кресле, которое она занимала и в свой первый визит в кабинет адвоката, и наблюдала за своим защитником.

– Вы так и не спросили, почему я хотела с вами встретиться, – наконец сказала она.

– Мне это не требуется, – ответил Мейсон. – Я лучше вас знаю, что происходит. Я пытаюсь догадаться, что случится дальше, чтобы в нужный момент увести кого надо в сторону.

– Я ужасно влипла! – воскликнула она.

– Конечно, влипли, – подтвердил он и снова начал ходить из угла в угол.

На какое-то время воцарилось молчание, затем он остановился, широко расставив ноги, и уставился на нее.

– Где вы взяли деньги, которые дали мне? – спросил адвокат.

– Где и сказала: у своего дяди, – ответила девушка тихим голосом.

– Перед тем, как его убили, или после? – нажимал Мейсон.

– Перед.

– За сколько до убийства?

– Незадолго – то есть как раз перед тем, как в дом приехал

мистер Кринстон.

– Как это произошло?

– Там было сорок восемь тысяч долларов, – сказала она. – Дядя Эдвард дал их мне и признался, что ему очень жаль, что он лишал меня обычной суммы на расходы. Он сказал, что считает необходимым изменить свое решение.

– Он обвинял вас раньше в том, что вас шантажируют?

– Нет.

– Он дал вам наличные?

– Да.

– Вы пришли к нему и сказали, что вам нужны наличные?

– Я просто заявила, что мне нужны деньги, причем немедленно.

– И он ничего не упомянул о том, что вас шантажируют?

– Нет.

– А вас шантажировали?

Она закусил губу и опустила глаза.

– А это ваше дело?

– Да, – ответил адвокат.

– Да, меня шантажировали, – призналась девушка.

– Экономка?

Фрэн Челейн резко дернулась и встретила с Мейсоном взглядом, в котором адвокат прочитал тревогу.

– Откуда вы узнали?

– Я подозревал. Сколько вы ей дали?

– Все, что было. Кроме десяти тысяч долларов, которые

заплатила вам.

– Это означает, что *у вас* не осталось больше ни одной из тех тысячедолларовых купюр?

– Нет.

– А теперь послушайте меня внимательно. Между нами не должно остаться недопонимания. Вы завязли по уши, и я собираюсь вас вытаскивать, но необходимо, чтобы я *точно* знал, что произошло с деньгами. У вас *ничего* из них не осталось?

– Нет, – покачала головой Фрэн Челейн.

Мейсон вынул из бумажника те десять тысяч долларов, которые она ему дала.

– Вы знали, что номера этих купюр были списаны и переданы в различные банковские учреждения нашего города?

– Нет, – ответила она испуганно.

– Это факт. Тысячедолларовых купюр не так много в обращении, и они привлекают внимание. Практически всегда требуется нести их в банк, чтобы поменять. В кассах магазинов обычно нет достаточного количества наличных, чтобы давать сдачу с тысячедолларовой бумажки.

Мейсон подошел к своему письменному столу, взял длинный конверт из плотной бумаги, вложил туда десять тысяч, полученные от Фрэн, заклеил конверт, снял колпачок с авторучки и написал адрес:

«Карл С. Белкнап, 3298, Пятнадцатая улица, Денвер, Колорадо».

Потом адвокат нажал на кнопку, находившуюся сбоку от стола, вызывая таким образом секретаршу.

Когда Делла Стрит открыла дверь, Мейсон небрежно бросил на стол конверт.

– Отправьте это, пожалуйста, Делла. Обычной почтой.

Она взглянула на адрес.

– Не знала, что мы ведем переписку с мистером Белкнапом, – заметила Делла Стрит.

– Теперь ведем. Пожалуй, лучше пошлите его заказным письмом.

Она кивнула, бросила быстрый, оценивающий взгляд на Фрэн Челейн и вышла в приемную.

Мейсон повернулся к посетительнице:

– Теперь этот конверт несколько последующих дней будет путешествовать по стране. В конце концов он вернется ко мне. А пока деньги у меня никто не обнаружит. Почему вы с самого начала не рассказали об этом полиции?

Ее глаза внезапно загорелись огнем.

– Это мое дело! Я наняла вас как адвоката, чтобы представлять мои интересы. Не думайте, что я позволю вам стоять здесь и указывать мне, что делать, а чего не делать...

Он шагнул по направлению к ней и заявил:

– Вы или научитесь сдерживать себя, или проследуете на виселицу с черным мешком на голове. Вы никогда не задумывались над тем, хочется ли вам быть повешенной?

Она вскочила на ноги и отвела руку, словно собираясь

влепить ему пощечину.

– Вы всю жизнь были испорченной злочкой с отвратительным характером, – сказал Мейсон. – Теперь вы оказались в ситуации, из которой вам самой не выпутаться. Вы можете не сомневаться, что в течение следующих сорока восьми часов вас арестуют. Вас ждет безрадостная перспектива, и я не уверен, смогу ли вас вытащить.

От удивления ее гнев пропал. Она посмотрела на него широко раскрытыми темными глазами:

– Арестуют? Меня арестуют?

– Да. По обвинению в убийстве.

– За это арестовали Девоз. Это он убил дядю.

– Девоз никого не убивал, – ответил Мейсон. – А если даже он и сделал это, то никто никогда не докажет его вину. У него есть адвокат, который знает все ходы и выходы и искусен в подобных делах. Не сомневайтесь, он втянет и вас.

– Почему вы так решили?

– Потому что он был у меня в кабинете менее часа назад и сам сказал мне об этом.

Она откинулась в кресле и уставилась на адвоката. Огонь в глазах погас. Она выглядела трогательной и беззащитной.

– Чего он хотел? – спросила Фрэн Челейн.

– Денег.

– Хорошо. Мы дадим ему денег.

– Нет, – твердо ответил Мейсон.

– Почему?

– Потому что тогда он будет шантажировать вас до самой смерти. Он не уверен, что вы влипли по уши, а только подозревает. Если бы я стал обсуждать с ним условия, он бы получил необходимую уверенность. Он только слышал звон. Он хотел подтверждения. Если бы я согласился заплатить, то его догадки бы полностью подтвердились.

– А что вы сделали? – поинтересовалась она.

– Вышвырнул его отсюда, – мрачно ответил адвокат.

– Он много знает?

– Знает немного, но многое подозревает.

– Я боюсь его, – по голосу слышалось, что она вот-вот заплачется.

– Вы и должны его бояться. А теперь я хочу добраться до самой сути. Расскажите мне в точности, что происходило, когда был убит ваш дядя.

Она глубоко вздохнула и начала говорить тихим, монотонным голосом:

– Я была дома. Я с ним поругалась. Он был очень резок, я сорвалась и наговорила множество неприятных вещей.

– Такого от вас можно ожидать, – сухо заметил адвокат.

– Да, можно, – согласилась она.

Последовало молчание.

– Продолжайте, – предложил адвокат.

– Он достал из бумажника деньги. Не все, там еще оставалось. Точно не знаю сколько. Он пододвинул деньги ко мне и сказал, чтобы я их взяла. Он заявил, что собирался прекра-

тить давать мне деньги на расходы, чтобы я взялась за ум, но в конце концов пришел к выводу, что я никогда не повзрелею. Это в общем-то мои деньги, и, если я хочу выбрасывать их на ветер, это мое личное дело.

– И вы взяли деньги, – сделал вывод адвокат.

– Да, конечно.

– И что потом?

– Потом я отдала их все, кроме десяти тысяч, миссис Мейфилд.

– Зачем вы это сделали?

– Она знала, что я вышла замуж, и угрожала рассказать дяде.

– Это произошло до того, как приехал Кринстон, или после?

– Вы имеете в виду, когда я отдала ей деньги?

– Да.

– После.

– Кто-то видел, как вы передавали ей деньги?

– Роб Глиасон.

Мейсон присвистнул:

– Так, значит, и Глиасон находился в доме, не так ли?

– Да, – медленно произнесла она. – Он был там. Именно поэтому я утверждала, что меня не было.

– Хорошо. Продолжайте, – угрюмо попросил Мейсон.

– Вам известно, что мы муж и жена. Роб приехал на своей машине – на «шевроле». Из моей комнаты есть выход на ули-

цу. Я впустила его в дом. Он беспокоился об угрозах миссис Мейфилд и о том, что может сделать мой дядя. Я сообщила ему, что разговаривала с дядей и думаю, что все будет в порядке. Пока мы разговаривали, вошла миссис Мейфилд и потребовала денег. Она подслушивала и была в курсе, что дядя дал мне сколько-то денег, но не знала точную сумму. Я сказала, что отдаю ей все, что у меня есть. Я открыла сумочку, и она сама достала деньги, но перед этим я спрятала десять банкнот, чтобы расплатиться с вами. Мне деньги нужны были только для этих двух целей – расплатиться с нею и с вами. Тогда я думала, что все уладится: вы меня представляете, а миссис Мейфилд должна успокоиться. Я решила, что мы найдем выход из сложившейся ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.